

The background is a detailed black and white line drawing. At the top, a large, craggy mountain peak rises. To the left, a traditional multi-tiered pagoda stands. To the right, a modern city skyline with several skyscrapers is visible. In the foreground, there are traditional Chinese-style buildings with tiled roofs. A large, muscular stone guardian lion (shishi) is positioned on the right side. Bamboo branches with leaves frame the top and sides of the central text area.

ВСЕВОЛОД
ОВЧИННИКОВ

ДВА ЛИЦА ВОСТОКА

Впечатления и размышления
от одиннадцати лет работы
в Китае и семи лет
в Японии

Размышления странника. Лучшее
от Всеволода Овчинникова

Всеволод Овчинников

**Два лица Востока. Впечатления
и размышления от
одиннадцати лет работы в
Китае и семи лет в Японии**

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Овчинников В. В.

Два лица Востока. Впечатления и размышления от одиннадцати лет работы в Китае и семи лет в Японии / В. В. Овчинников — «АСТ», 2018 — (Размышления странника. Лучшее от Всеволода Овчинникова)

ISBN 978-5-17-110788-8

Книга «Два лица Востока» двадцать вторая книга автора, в которой он рассказывает читателям о том, как наши дальневосточные соседи – Китай и Япония – сумели совершить рывок на лидирующие позиции в мире, сохранив свою национальную самобытность. Постичь грамматику жизни зарубежного народа, чтобы создать путеводитель по его душе, – это творческий замысел автора, который он блестяще воплощает в жизнь. Священный долг журналиста-международника – вооружать соотечественников правильной методикой познания зарубежной действительности, умением смотреть на мир без предвзятости. Автор видит свою задачу в том, чтобы тянуть вверх планку духовных запросов, стремиться к тому, чтобы благодаря его книгам люди становились зорче и мудрее, просвещеннее и добрее, а главное – терпимее по отношению к другим народам.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-110788-8

© Овчинников В. В., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

От автора	7
Часть первая	9
Пекин пятидесятих	9
Роковое купание лидеров	10
«Подмосковные вечера» – гимн дружбы	11
Братья навек	12
Перенимали и совершенствовались	12
От догматизма к прагматизму	13
Три рубежа	14
Как победить бедность	15
Покинуть земледелие, не уходя из села	15
Проект «Надежда»	16
Полтора миллиарда «человеко-ртов»	18
Как прокормить пятую часть человечества, имея лишь	18
7 % мировой пашни, – самая сложная проблема для самой	
населенной страны мира	
Сможет ли Поднебесная прокормить себя?	18
Улучшать рацион за счет «приварка»	19
В Китае – дефицит невест	21
Негативные последствия ограничения рождаемости	21
Стареет рабочая сила	22
Между тем	22
Спрос – стимулятор роста	23
Четыре удвоения	23
Возможно ли подобие «потерянного десятилетия»?	24
Инвестиции в инфраструктуру	24
Электромобиль на автострате	26
Примечательные черты моторизации Китая	26
Первый китайский грузовик	26
Заявка на лидерство	27
«Мастерская мира» станет «мировой лабораторией»	29
Поднебесная уже была авангардом прогресса	29
Пиратство – это бумеранг	30
Вузовская наука в Чжунгуаньцуне	31
От экономических реформ – к политическим	32
Законность вместо «революционной целесообразности»	32
«Пятая модернизация»	32
Кульť учености	33
Пора учить иероглифы	35
Китайская грамота постижима и все более нужна	35
Иероглифика закаляет характер	35
Язык половины населения	36
Стихия и политика	38
Хуанхэ – «горе Китая»	38
Стихийное бедствие как оружие	38
По жертвам – четыре Хиросимы	39

Водами юга напоить север	39
Повелитель водной стихии	41
Человечеству грозит нехватка воды	41
Такие разные сестры	41
Пять целей стройки века	42
За взятку – к высшей мере	43
Наживался на Олимпиаде	43
Миллион осужденных за взятки	44
Как пресекли финансовые пирамиды	44
Явь Тибета опровергает мифы	45
Моя встреча с далай-ламой	45
Рабовладелец в роли правозащитника	45
От ясновидения – к сотовой связи	46
Заповедник общественных формаций	48
Юньнань – «край к югу от облаков»	48
Женихи состязаются в пении	48
Для нацменов нет ограничения рождаемости	49
Журналистика требует риска	50
Среди «охотников за головами»	50
Репортаж с американской базы	50
Полемизирую в Вестминстерском дворце	51
Пьер Карден в сельском сарае	53
Лицом к селу	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Всеволод Владимирович Овчинников
Два лица Востока: впечатления и
размышления от одиннадцати лет
работы в Китае и семи лет в Японии

© В. В. Овчинников, 2018

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

От автора

Ключ к познанию зарубежной действительности

Мой жизненный и творческий путь – это более шестидесяти лет в журналистике, сорок из которых (1951–1991 гг.) я проработал в «Правде». Молодежи порой кажется, что мне не повезло. Мол, лучшие годы жизни пришлось плясать под дудку агитпропа... Между тем дело обстоит не так. Мы, полтора десятка ведущих советских журналистов-международников, были в те годы столь же востребованы и популярны, как нынче звезды шоу-бизнеса. Слова Евгения Евтушенко: «Поэт в России – больше, чем поэт», мы экстраполировали применительно к нашей профессии. Мы считали священным долгом вооружать соотечественников правильной методикой познания зарубежной действительности, умением смотреть на мир без предвзятости.

Мы видели свою задачу в том, чтобы тянуть вверх планку духовных запросов людей, стремиться к тому, чтобы благодаря нашим публикациям они становились зорче и мудрее, просвещеннее и добрее. А тем коконом, который защищал нас от цензуры и обеспечивал нашу творческую независимость в советские времена, была наша профессиональная компетентность.

В 50-х годах я семь лет был собственным корреспондентом «Правды» в Китае, в 60-х – семь лет в Японии, в 70-х – пять лет в Англии. А потом к газетным публикациям добавилось телевидение. Тринадцать лет я вел популярную воскресную телепрограмму «Международная панорама».

Мы, ведущие журналисты-международники советских лет, старались убедить соотечественников, что нельзя мерить иностранцев на свой аршин, что у каждого народа свои стереотипы поведения, системы ценностей, как бы своя грамматика жизни, которая и служит ключом к познанию зарубежной действительности.

Именно грамматику жизни можно назвать стержнем того, что мы именуем национальным менталитетом. И если моим коллегам – зарубежным журналистам в Китае и Японии больше всего мешал языковой барьер, то мне там больше всего помогал языковой мост.

Став после работы в Пекине и Токио редактором «Правды» по отделу развивающихся стран, я много ездил по Азии и Африке. Однажды, будучи в Иране, я попал в «город роз и соловьев» – Шираз. Там у могилы древнеперсидского классика Хафиза всегда сидит старец с томом его стихов. Тот, кто наугад раскроет эту книгу, получает как бы от Хафиза напутствие в жизни. Я сделал это с бьющимся сердцем, и вот что прочел мне седобородый прорицатель: «Воспевать красоту звездного неба вправе лишь поэт, постигший законы астрономии».

Признаюсь, что до меня не сразу дошел глубокий смысл напутствия. Выходит, что читатель должен не только увидеть то, что в свое время видел журналист, почувствовать то, что он тогда чувствовал. Ему должна раскрыться подспудная суть событий.

Постичь грамматику жизни зарубежного народа, чтобы создать путеводитель по его душе, – этот творческий замысел, навеянный напутствием Хафиза, мне потом довелось воплотить в книге «Ветка сакуры». Опубликованная в 1970 году в журнале «Новый мир», она имела неожиданный резонанс. По словам Константина Симонова, «Ветка сакуры» стала для советского общества таким же глотком свежего воздуха, как песни Окуджавы.

Неудивительно, что такой успех вызвал интерес и к другим моим работам. В советские годы мои книги разошлись общим тиражом более семи миллионов экземпляров. Первая из них – «Путешествие в Тибет» вышла в свет в 1956 году, когда я первым из моих соотечественников побывал в загадочной Шамбале. А двадцать первая книга – «Размышления странника» была опубликована в 2011 году, то есть 55 лет спустя.

Такое творческое долголетие было бы невозможно, если бы правдиста с сорокалетним стажем, который после краха советской власти оказался на обочине истории, не приняла в свои ряды «Российская газета». Она начала публиковать мои репортажи из Китая в 1994 году. И до сих пор предоставляет мне постоянную рубрику «Час с Овчинниковым» в своем многотиражном приложении «Российская неделя». Полагаю, что мое творческое кредо как в советские, так и в постсоветские годы остается неизменным. В том смысле, что я стремлюсь описывать жизнь зарубежных стран не только с точки зрения экономических, политических и социальных проблем, но и видеть за всем этим душу народа, его грамматику жизни.

И в этой, двадцать второй моей книге я хочу рассказать читателям о том, как наши дальневосточные соседи – Китай и Япония – сумели осуществить «модернизацию без вестернизации». То есть совершить рывок на лидирующие позиции в мире, сохранив свою национальную самобытность.

Часть первая Тысячелетия и годы

Пекин пятидесятых

В марте 1953 года я сошел с поезда Москва – Пекин, чтобы на семь предстоящих лет стать собственным корреспондентом «Правды» в КНР. В свои 27 лет я был тогда самым молодым советским журналистом, командированным на постоянную работу за рубеж.

Старое здание Пекинского вокзала находилось напротив южных городских ворот, за которыми расположены площадь Тяньаньмэнь и Императорский дворец. Не меньше, чем древние постройки, меня удивили потоки велосипедистов и рикш при полном отсутствии других видов транспорта.

Наши соотечественники ездили тогда на советских «победах» с китайскими водителями. Самим садиться за руль запрещалось. После победы революции в КНР был принят закон, по которому иностранец, сбивший китайца, должен был пожизненно выплачивать пособие не только ему, но и его детям до совершеннолетия.

Единственным видом общественного транспорта в Пекине были трехколесные вело-рикши. Но пользоваться ими нам тоже запрещалось по морально-этическим соображениям. Это особенно огорчало наших жен. Отправляясь за покупками, им приходилось шагать пешком многие километры.

Столичная жизнь в Пекине носила тогда как бы камерный, почти семейный характер. В 50-х годах в КНР были аккредитованы 12 иностранных послов и 15 зарубежных журналистов.

Поэтому нас наряду с дипломатами приглашали на все государственные банкеты. Мы сидели буквально в нескольких метрах от главного стола, где Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай чокались с Неру или Сукарно, с Ким Ир Сеном или Хо Ши Мином.

Во время моей работы в Пекине впервые с тридцатых годов собрался съезд компартии Китая. Прилетела советская делегация. И мне надо было ежедневно давать подробные отчеты о всех заседаниях.

В завершающий день работы съезда в комнату иностранных журналистов неожиданно вошел Мао Цзэдун и спросил: «Кто тут из «Правды»?» Дрожащим голосом я назвал себя и удостоился личного рукопожатия «великого кормчего»: «Потрудились так потрудились! Освещал съезд хорошо!»

После этих слов председателя Мао моя жизнь круто изменилась. Вместо фанзы с земляными полами и дымными буржуйками корпункт переселили в квартиру для дипкорпуса с центральным отоплением. А при поездках по стране мне уже не требовалось согласовывать их маршрут с отделом печати МИД КНР.

Председатель Мао навсегда запомнился мне необычайно высоким для китайца ростом и устремленным куда-то вдаль взглядом. Когда же меня познакомили в кулуарах съезда с новым Генеральным секретарем ЦК КПК Дэн Сяопином, меня, напротив, поразил его малый рост. Ведь одно дело, когда видишь человека в президиуме, а другое – когда сталкиваешься с ним лицом к лицу.

Партийная кличка генсека – Сяопин, то есть «маленькая бутылка», воспринималась в Китае как метафора, аналогичная нашему термину «ванька-встанька». Маленькая бутылка – это пузырек самогона, который нельзя завалить на бок. Ведь он тут же вновь принимает вертикальное положение. Как Дэн Сяопин, которого трижды сбрасывали с вершины пирамиды власти, но он вновь на нее возвращался.

Первая трещина в китайско-советских отношениях появилась после XX съезда КПСС. По мнению Мао Цзэдуна, Н.С. Хрущев был не вправе выступать с резкой критикой Сталина, не посоветовавшись с международным коммунистическим движением.

После успешного завершения первой пятилетки, которая осуществлялась на основе советского опыта и при содействии наших специалистов, «великий кормчий» прибег к авантюристической тактике «большого скачка». (Тогдашний лозунг: «Три года горького труда – десять тысяч лет счастья».) Чтобы первыми «запрыгнуть» в коммунизм, китайских крестьян заставили не только коллективно трудиться, но и есть из общего котла.

Под лозунгом «Обгоним Англию!» стали варить сталь чуть ли не в каждом дворе. А я с китайскими коллегами из «Жэньминь жибао» неделю таскал на коромысле корзины с землей, помогая строить близ Пекина Шисаньлинское водохранилище. «Прыжок в коммунизм» закончился бедствием для страны и народа.

Причину провала стали искать в международной обстановке. В Пекине словно забыли, что именно Чжоу Эньлай и Неру в свое время провозгласили пять принципов мирного сосуществования, сделали их политической платформой неприсоединившихся стран. Китайское руководство стало обвинять Хрущева в ревизионизме за его стремление снизить накал «холодной войны», сделать мирное сосуществование стержнем внешней политики социалистических государств.

Роковое купание лидеров

Самая драматическая коллизия возникла в связи с этим накануне десятилетия КНР. В сентябре 1959 года Хрущев должен был совершить поездку по Соединенным Штатам. А к 1 октября прямо оттуда прилететь на празднование в Пекин. Меня включили в рабочую группу по составлению его речи на юбилейной сессии Всекитайского собрания народных представителей.

Незадолго до визита Никиты Сергеевича за океан на китайско-индийской границе вспыхнули вооруженные столкновения. Дабы оградить советского лидера от нежелательных расспросов, было опубликовано заявление ТАСС. В нем выражались сожаление по поводу конфликта и надежда, что стороны решат спор за столом переговоров. Такая позиция Москвы вызвала негодование в Пекине. Как, мол, можно ставить на одну доску братскую страну социализма и капиталистическое государство!

И вот в самый разгар пресловутых «десяти дней, которые потрясли Америку», китайское руководство неожиданно перенесло начало юбилейных торжеств с 1 октября на 26 сентября. Это поставило Хрущева перед нелегким выбором: либо скомкать свой триумфальный американский визит, либо поручить выступить на юбилее КНР кому-то другому. Он предпочел второе.

Доклад, в подготовке текста которого мне довелось участвовать, зачитал М.А. Суслов. Хрущев же прилетел лишь 30 сентября. На другой день демонстранты все-таки увидели его на трибуне ворот Тяньаньмэнь.

После праздничных торжеств Мао пригласил советского гостя в свою резиденцию близ столицы. Там Хрущева ждал конфуз. Хозяин встретил его в бассейне и предложил присоединиться. Но беда была в том, что Никита Сергеевич не умел плавать. В своих черных сатиновых трусах до колен он, как и на отдыхе в Пицунде, мог зайти в воду лишь до пояса и несколько раз присесть, дабы окунуться. Можно представить себе, как неуклюже выглядел гость на фоне хозяина, способного пересечь километровую ширь Янцзы!

Хрущев был настолько взбешен, что в тот же вечер объявил: он отменяет тщательно подготовленную нами недельную поездку по Китаю и намерен немедленно возвращаться на родину.

Думаю, что причинами размолвки между Пекином и Москвой, которая привела к тридцатилетней конфронтации и даже к боям на острове Даманский, были не только идеологические разногласия, но и личная неприязнь двух лидеров. Это чувство у Хрущева усиливали воспоминания о своей беспомощной фигуре в длинных сатиновых трусах, когда он барахтался в бассейне рядом с «великим кормчим».

«Подмосковные вечера» – гимн дружбы

К счастью, я не был свидетелем бесчинств «культурной революции» (уехал из Пекина на пару лет раньше). Но после смерти Мао Цзэдуна и отставки Хрущева Пекин и Москва стали делать осторожные шаги навстречу друг другу. И вот в 1984 году в КНР были приглашены председатель Общества советско-китайской дружбы академик Тихвинский и я, как его тогдашний заместитель.

Уверен, что в наш маршрут отнюдь не случайно была включена родина Конфуция. Показывая нам гранитное надгробье великого философа, расколотое кувалдами хунвейбинов, один из руководителей провинции Шаньдун сказал:

– Ничто так не нарушало национальные традиции Китая, как надругательство над нашим прошлым. Ничто так не противоречило здравому смыслу, как ссора Мао Цзэдуна и Хрущева. Пусть же все это останется позади!

В Пекине стала незабываемой встреча в одном из рабочих клубов. После наших речей зазвучала песня «Подмосковные вечера». Весь зал дружно встал и подхватил любимую мелодию. Люди пели куплет за куплетом со слезами на глазах. Пели как гимн, искренне радуясь тому, что трагическая размолвка между Пекином и Москвой наконец уходит в прошлое, что можно вновь открыто выражать дружеские чувства к братскому соседнему народу.

Братья навек

Чжунго, или Срединное царство, как называют свою родину китайцы, пожалуй, единственное в мире государство, чья древность непосредственно смыкается с современностью. Причем ключевая характеристика страны – не только непрерывность ее пятитысячелетней истории, но и незывблемое уважение к ней. Жители Поднебесной убеждены, что камни прошлого – это ступени в будущее.

Конфуцианство воспитало у них умение чтить старину и почитать старших.

Когда-то китайцы во многом опережали другие народы. Они первыми дали человечеству компас, бумагу, книгопечатание, порох. Жители Поднебесной привыкли считать ее центром мира, а на другие народы взирать как на варваров, от которых лучше отгородиться Великой стеной.

Этот наивный эгоцентризм и изоляционизм сыграли роковую роль в XIX веке. Англия, недовольная тем, что Китай продает ей все больше чая и шелка, но игнорирует британские сукна и другие товары, принялась выращивать в Индии опиум и превращать китайцев в наркоманов. А когда власти одной из китайских провинций сожгли 25 тысяч ящиков опиума, британский флот нанес удар по прибрежным городам. В 1842 году Китай потерпел унизительное поражение в «опиумной войне», что привело к превращению его в полуколонию.

В Шанхае, Кантоне, Тяньцзине появились иностранные селтльменты, где англичане, французы, немцы, японцы были неподвластны местным законам. В написание о тех временах шанхайцы сохранили оскорбительную надпись у входа в сквер на набережной Вайтань: «Китайцам и собакам вход воспрещен».

«Отныне китайский народ поднялся с колен и распрямил плечи», – эти слова, сказанные Мао Цзэдуном с трибуны ворот Тяньаньмэнь в день рождения КНР, открыли новую главу в 5000-летней истории Поднебесной.

Минувшие годы можно условно поделить на три периода. Первое десятилетие прошло под девизом: «Русский с китайцем – братья навек!» Опираясь на собственный жизненный опыт, хочу подчеркнуть, что дружба наших государств отнюдь не сводилась в те годы к официальным заявлениям лидеров и газетным передовицам. Она была жизненной практикой, касалась реальных судеб десятков тысяч людей. После двух-трех лет работы в Китае советские специалисты возвращались на родину другими людьми, профессионалами более высокого класса.

Перенимали и совершенствовали

С другой стороны, китайцы не просто копировали наш опыт, как обычно принято считать. Кое в чем они сумели усовершенствовать его. Благодаря этому им удалось избежать ряда перегибов и ошибок советской власти.

Во-первых, они провели кооперирование сельского хозяйства без ликвидации кулачества как класса. Это позволило сохранить наиболее рачительных хозяев, которые стали рычагами роста продуктивности сельского хозяйства.

Во-вторых, более гибко, без принудительной экспроприации, были проведены социальные преобразования частной промышленности и торговли. Поставить на благо народа не только тот капитал, который предприниматель держит в кармане, но и тот, что находится у него в голове, – такова была цель создания государственно-частных предприятий. Бывшего владельца оставляли генеральным директором, лишь приставив к нему «комиссара» в виде секретаря парткома.

Такое отношение к национальной буржуазии увеличило симпатии к Пекину со стороны состоятельной китайской диаспоры. И впоследствии именно она стала главной финансовой

опорой реформ. Если у нас к соотечественникам за рубежом относились настороженно, то ли как к белоэмигрантам, то ли как к диссидентам-невозвращенцам, то для пекинских властей «хуацяо», то есть заморские китайцы, всегда были желанными гостями.

Наконец, в-третьих, китайские коммунисты, в отличие от наших, избегали делать критерием благонадежности людей их социальное происхождение. Детей капиталистов, не говоря уже о кулаках, принимали в комсомол, брали в военные училища. И это лишало их родителей стимулов сопротивляться победившей революции.

От догматизма к прагматизму

Но вот в истории КНР наступил второй, как бы противоположный этап – два десятилетия хаоса и смуты. Волонтаризм «большого скачка», казарменный быт «народных коммун», самосуды хунвейбинов и даже бои на острове Даманский. Эти трагические страницы сменяли одна другую, пока во главе не встал Дэн Сяопин. Он сумел вытянуть Китай из губительного водоворота и твердо взял курс на реформы и открытость, то есть на модернизацию страны.

Этот новый подход к делу воплотился в крылатой фразе: «Неважно, какого цвета кошка – черного или белого, лишь бы она ловила мышей». Бессмысленно спорить, означает ли создание рыночной экономики поворот от социализма к капитализму. Важен конкретный результат реформ.

Они, по мнению Дэн Сяопина, имеют смысл лишь в том случае, если, во-первых, ведут к росту производства, во-вторых, повышают жизненный уровень народа, в-третьих, умножают совокупную мощь государства.

Разумеется, у каждой страны свои особенности, и всегда надо искать свой путь перехода к рынку. Но опыт Поднебесной дает основание отметить, по крайней мере, три поучительных элемента китайской формулы успеха.

Во-первых, начинать не с ломки политической системы, а с повышения эффективности экономики. Ибо в переходный период особенно нужна сильная центральная власть, располагающая надежными рычагами управления. Между наезженной колеей планового хозяйства и автострадой рыночной экономики лежит как бы участок бездорожья. И трудно проехать по ухабам, если перерубить рулевые тяги своей машины.

Китайцы, как и японцы, любят приводить тут такую метафору. Чтобы корабль рыночной экономики набрал скорость и взял верный курс, нужны не только паруса частного предпринимательства, но и штурвал государственного регулирования.

Во-вторых, начинать не с города, а с села, чтобы как можно скорее накормить и одеть народ, потеснить бедность, минимизировать социальную цену реформ, дать миллионам людей на себе ощутить конкретную пользу от них.

В-третьих, не форсировать приватизацию государственных предприятий, особенно естественных монополий, не допустить расхищения национального достояния, созданного коллективным трудом народа, а также природных богатств страны. Проще говоря, избегать пресловутой «прихватизации».

Вместо этого сделать упор на привлечение иностранного капитала, создавая специальные экономические зоны с льготным режимом для инвесторов. Ведь иностранные предприятия не только создают новые рабочие места, но и повышают общий технологический уровень производства в стране.

Насущная задача – сократить разрыв в уровнях жизни процветающих приморских провинций и еще не выбравшейся из отсталости глубинки. А на эти провинции Центрального и Западного Китая приходится 89 процентов территории и 64 процента населения страны.

Три рубежа

Помимо трех упомянутых критериев целесообразности Дэн Сяопин наметил три стратегических рубежа осуществления реформ. Первый – за 80-е годы удвоить валовой внутренний продукт на душу населения, поднять его с 250 до 500 долларов.

Второй этап предусматривал за 90-е годы вновь удвоить ВВП. По общему объему товаров и услуг это сделать удалось. Но поскольку население страны с начала реформ увеличилось на 300 миллионов человек, показателя 1000 долларов на человека Китай достиг лишь в 2002 году.

Наконец, третий рубеж намечал к середине XXI века, то есть к столетию КНР, увеличить ВВП еще в четыре раза – до 4000 долларов на человека при полуторамиллиардном населении. Это позволило бы Китаю покончить не только с бедностью, но и с отсталостью, выйти на уровень таких среднеразвитых стран, как Португалия или Греция.

Как же движется Поднебесная к ориентирам, которые наметил патриарх реформ? Первые два удвоения ВВП были осуществлены в намеченные сроки. На третье потребовалось всего шесть лет. А к 2010 году ВВП на душу населения составил 4500 долларов. Так что четвертое удвоение налицо. А валовый внутренний продукт КНР уже перевалил за сумму, которую Дэн Сяопин мечтал достичь к столетию КНР.

Когда Дэн Сяопин начинал реформы, каждый четвертый китаец жил впроголодь и ходил если не в лохмотьях, то в заплатках. Ниже черты абсолютной бедности, которую в Китае определяли как доход менее 5 долларов в месяц, находились 250 миллионов из миллиарда жителей Поднебесной.

Ныне число их уменьшилось до 24 миллионов. Это уже не 25, а менее 2 процентов населения КНР. Даже ООН, отнюдь не балующая Пекин похвалами, назвала это беспрецедентной победой над нищетой в современной истории.

Словом, использование как парусов частного предпринимательства, так и штурвала государственного регулирования позволило Поднебесной не только совершить стремительный рывок к мировому лидерству, но и минимизировать социальную цену перехода к рыночной экономике. Вместо 250 миллионов бедняков в стране появилось 250 миллионов «новых китайцев», для которых символом благосостояния стал уже не велосипед, а автомобиль.

Как победить бедность

Покинуть земледелие, не уходя из села

В Поднебесной на душу населения приходится всего по десять соток пашни – втрое меньше среднемирового показателя. Имея лишь семь процентов мировой пашни, надо прокормить двадцать процентов человечества. Хорошо хоть, что Китай вступил в XXI век, доведя производство мяса до 55 миллионов тонн, а рыбы – до 28 миллионов тонн. Люди стали есть больше овощей и фруктов. Благодаря улучшению рациона каждому китайцу требуется уже не по 400, а по 350 килограммов зерна в год. Стало быть, для полутора миллиардного населения нужно 525 миллионов тонн. Вот уже несколько лет сборы зерна в Китае превышают 500 миллионов тонн. Так что вышеназванная цель вполне достижима. Страна может прокормить себя.

Однако одно лишь полеводство не способно привести 700 миллионов китайских крестьян к зажиточной жизни. Только местное предпринимательство, или сельская индустрия, сможет поглотить избыток рабочих рук, обеспечить селянам занятость. И в то же время превратить главное богатство Китая – трудовые ресурсы в реальные товары и услуги.

В России пока еще в должной мере не оценен поразительный феномен китайских реформ: сельская индустрия – так называемые поселково-волостные предприятия. А между тем этот новый, динамичный сектор экономики КНР дает более четверти промышленной продукции страны и пятую часть ее экспорта. Причем это увеличение производственного потенциала произошло не только без каких-либо государственных ассигнований, но и стало новым важным источником доходов бюджета.

Даже многие предприятия, производящие телевизоры или запчасти для автомашин, строят на дешевой сельской земле и оснащают оборудованием цехи в селах, дабы выпускать там наименее сложные и наиболее трудоемкие детали. А работа у современных станков очень привлекательна для сельской молодежи.

Если в прежние времена подсобные промыслы отвлекали людей от сельского хозяйства, то нынешний бум поселково-волостных предприятий стал опорой сельской экономики, главным источником средств для модернизации земледелия и животноводства, создания сельских школ, больниц, коренного улучшения крестьянского быта.

Что же в этом опыте может быть поучительным для России? Думаю, что прежде всего это глубокая переработка сельскохозяйственной продукции на месте. Это производственная интеграция сельских предприятий с городскими. А самое главное – расширение возможностей для трудоустройства в малых городах и поселках.

До недавних пор считалось, что на селе живут девятьсот миллионов китайцев, в городах – четыреста миллионов. Но процесс индустриализации и урбанизации изменил это соотношение. Теперь в официальных документах говорится о семистах миллионов крестьян и шестистах миллионов горожан.

Средний годовой доход сельского жителя составляет 600 долларов, горожанина – 1800 долларов. Этим трехкратным разрывом дело не ограничивается. Еще больше отстают в деревне социальные условия: образование и здравоохранение, транспорт и энергетика.

Поэтому Пекин пошел на небывалый шаг за 26 веков истории Поднебесной: полностью отменен сельскохозяйственный налог. А ведь подати с хлеборобов традиционно служили главным источником пополнения казны. Именно для доставки этого зерна в столицу некогда был прорыт Великий китайский канал.

Резко увеличены бюджетные ассигнования на поддержку сельского хозяйства и улучшение социальных условий жизни селян. Гарантируются оптимальные цены на закупку риса и

пшеницы. Принята программа: к 2020 году проложить 300 тысяч километров сельских автомобильных дорог.

Выделяются средства на снабжение населенных пунктов в глубинке доброкачественной питьевой водой. Доступ к ней дополнительно получили 32 миллиона крестьян. Более 20 миллиардов долларов выделено на переход сельских школ к девятиклассному образованию. От этого выиграли практически все крестьянские семьи, насчитывающие 150 миллионов школьников.

Последние очаги бедности разбросаны в самых труднодоступных местах Поднебесной. Налицо как бы заколдованный круг. Нет дорог, нет электричества, нет школ, чтобы хоть молодое поколение вырвалось из двойных тисков нищеты и невежества.

Проект «Надежда»

Бедные уезды – это одновременно и зоны неграмотности. Из 170 миллионов неграмотных китайцев 150 миллионов составляет сельская беднота. Это, прежде всего, женщины среднего и пожилого возраста. Треть из них вообще никогда не ходили в школу. Остальные в 50-х годах посещали курсы ликбеза, но все забыли. А ведь без начального образования даже мелочной торговлей не займешься!

Поставлена цель: прежде всего ликвидировать неграмотность среди сельской молодежи и людей среднего возраста. Для искоренения абсолютной бедности необходимо добиться того, чтобы в каждой нуждающейся семье хотя бы один человек смог заниматься подсобными промыслами или трудиться на поселково-волостном предприятии.

Но не менее важно усадить за парты сельскую детвору, которой порой приходится бросать школу из-за материальных трудностей. Ведь без грамотной молодежи у села нет будущего.

В 90-х годах Пекин начал осуществлять проект «Надежда». Эта благотворительная программа предназначена финансировать образование нуждающейся сельской детворы за счет добровольных пожертвований. На этот призыв откликнулись более ста миллионов горожан, тысячи заводских коллективов, сотни иностранных предпринимателей, ведущих дела в Китае.

Проект «Надежда» вернул за парты около трех миллионов крестьянских детей, позволил открыть в бедных уездах свыше трех тысяч новых школ и столько же отремонтировать, оказать материальную помощь энтузиастам-учителям, добровольно отправившимся в глубинку.

Огромный, во многом поучительный успех проекта «Надежда» объясняется его четкой адресностью. Каждый спонсор точно знает, куда и кому поступили его деньги. Пожертвовав 100 долларов, можно вернуть за парту подростка из бедной семьи, если в деревне нет начальной школы, а родители не в состоянии оплатить интернат. Тысячи долларов достаточно, чтобы год содержать учителя или укомплектовать библиотеку в сельской школе.

Всякий получатель благодарит конкретного человека или коллектив. Так завязывается переписка. Затем дело доходит до взаимных визитов и личного знакомства. Из таких поездок к своим подопечным дети приезжают повзрослевшими.

Причем трудно сказать, кому встречи с новыми друзьями приносят больше пользы. Когда избалованные «сникерсами» городские школьники узнают, что самым излюбленным лакомством для их сельских сверстников остаются кукурузные лепешки с кунжутом, они на многое начинают смотреть по-иному.

Проект «Надежда» не только дает культурно-экономический эффект, но и имеет несомненную морально-политическую ценность. Он помогает возродить дух социальной солидарности, который спланивал китайское общество в годы первой пятилетки, но потускнел в условиях рыночных отношений.

А между тем феноменальный успех телесериала «Как закалялась сталь», сделавший Павла Корчагина кумиром современной китайской молодежи, показал, что нынешнее поколение так же тянется к романтике и самоотверженности, как в свое время их отцы и деды.

Полтора миллиарда «человеко-ртов»

Как прокормить пятую часть человечества, имея лишь 7 % мировой пашни, – самая сложная проблема для самой населенной страны мира

Проработав в Китае 11 лет, я глубоко прочувствовал самую главную, самую сложную и самую болезненную проблему для этой самой населенной страны мира.

Именно о ней напоминает даже лексика. К примеру, слово «население» обозначается иероглифами: «жэнь» (человек) и «коу» (рот). Стало быть вопрос: «Каково нынче население КНР?» – буквально звучит так: «Сколько в Китае человеко-ртов?»

Число едоков поистине животрепещущий вопрос для страны, которая должна прокормить пятую часть человечества, имея лишь 7 процентов мировой пашни. На каждого китайца приходится втрое меньше земли, чем на среднестатистического жителя Земли.

Другой пример из лексики. Вместо слова «здравствуйте!», то есть пожелания здоровья, китайцам многие века служило выражение: «чифаньла ма?» («вы уже поели?»). Как бы ссылка на главный в этой стране элемент благополучия.

Причем острота данной проблемы состоит не только в том, что «человеко-ртов» в Китае как нигде много, но и в том, сколь быстро растет их число. Лишь за последние полвека население КНР удвоилось. Если в 50-х годах я писал из Пекина о «600-миллионном китайском народе», то нынче Поднебесная насчитывает уже 1,3 млрд человек.

А ведь общая площадь пахотных земель составляет в Китае всего 130 млн гектаров, то есть по 10 соток на человека. Причем речь идет не о приусадебном участке, а обо всем зерновом клينه. К тому же и этот клочок земли из года в год сжимается.

Происходит это по нескольким причинам.

1. Несмотря на то что более трех десятилетий жестко осуществляется лозунг «Одна семья – один ребенок», ежегодный прирост населения Поднебесной превышает 10 млн человек.
2. Индустриализация и рост городов изымают из сельскохозяйственного оборота по 1 млн гектаров ежегодно.
3. Позабывшие о голоде крестьяне сокращают посевы зерновых ради более доходных технических культур.
4. Треть посевов в Китае периодически страдают от засух и наводнений.

Сможет ли Поднебесная прокормить себя?

Самый впечатляющий итог китайских реформ состоит, на мой взгляд, в успешном искоренении нищеты. Если до 70-х годов в Китае недоедали 250 млн человек, или каждый четвертый, то нынче таковых остается лишь 26 млн, то есть не 25, а 2 % населения. Ну а самый важный показатель, конечно, – доля урожая, приходящаяся на каждый «человеко-рот».

Самый большой рывок в производстве зерна Китай совершил за первые пять лет реформ. Как только народные коммуны были распущены, а вместо них вступила в действие система семейного подряда на пользование землей, произошел небывалый всплеск производственной активности крестьян.

Благодаря добровольной интенсификации их труда ежегодные сборы зерна возросли с 300 до 400 млн тонн.

В 1985 году Китай произвел по 400 кг зерна на человека. Самое многонаселенное государство мира впервые в истории полностью обеспечило себя продовольствием.

Однако если первый стомиллионный рывок китайские хлеборобы совершили за пять лет, то на второй такой же (от 400 до 500 млн тонн зерна) оказалось мало и 15-ти. Перешагнуть за полмиллиарда тонн удалось лишь на рубеже XXI века. Сможет ли Китай в перспективе стабильно обеспечивать себя зерном? Если в 2050 году в стране будет 1,5 млрд жителей, при расчете по 400 кг зерна на «человеко-рот», его потребуется 600 млн тонн.

Улучшать рацион за счет «приварка»

Китайцам издавна привычно делить свой рацион на «фань» и «цай» – аналог нашим старинным понятиям «харч» и «приварок». «Фань» – это, примерно говоря, то же, что у нас хлеб. Причем у китайцев это не только выпечка, но и рис, лапша, другие изделия из зерна. А «цай» – это мясные, овощные и другие блюда, которые у нас считались бы «приварком».

Суть в том, что, если окажется нереальным производить по 600 кг зерна на каждый «человеко-рот», нужно увеличить потребление мяса, яиц, рыбы, овощей и фруктов.

Разумеется, сломать многовековые традиции будет нелегко. Обычно китайский рабочий или крестьянин завершает ужин после трудового дня тремя-четырьмя пиалами отварного риса. Однако мужчины, занятые умственным трудом, и городские женщины обычно ограничиваются одной-двумя пиалами.

При этом почти священное отношение к отварному рису выражается и в том, что лопаточку для его раскладывания называют «жезлом хозяйки дома». Когда свекровь в преклонном возрасте передает эту лопаточку невестке, та официально становится хозяйкой дома, распорядителем семейного бюджета.

Словом, перенося упор с «фань» на «цай», китайцы в корне меняют продовольственную стратегию. Последние 15 лет стали переломными по потреблению мяса, яиц, рыбы. По производству мяса Китай вышел на первое место в мире. Он также лидер по повышению продуктивности животноводства. Согласно данным ООН, на долю КНР ныне приходится три четверти мирового прироста производства мяса.

Потребление мяса на каждого китайца достигло 42 кг, то есть превысило средний мировой уровень. За годы реформ количество мясопродуктов в рационе китайской семьи выросло втрое, а потребление яиц приблизилось к уровню развитых стран.

Однако Китай по-прежнему отстает от них по потреблению молока – всего 5 литров на душу населения в год. Главная причина – преобладание свиноводства над разведением крупного рогатого скота. А это, в свою очередь, объясняется нехваткой пастбищ и сенокосов.

Чтобы умножить поголовье дойных коров, увеличить долю говядины и баранины в производстве мяса, Китай активно развивает такую новую для себя отрасль, как кормопроизводство. По валовому производству комбикормов Китай вышел на третье место в мире.

В густонаселенном Китае на человека приходится втрое меньше пахотной земли, в девять раз меньше лесов, чем на среднестатистического жителя планеты. Однако там существуют благоприятные условия для рыболовства и аквакультуры на прибрежном шельфе и во внутренних водоемах. Причем здесь достигнуты даже более впечатляющие результаты, чем в области животноводства.

Валовая продукция водных промыслов растет в КНР на 15 процентов в год. По своему экономическому эффекту аквакультура сравнялась с традиционным рыболовством. Причем искусственное разведение рыбы, креветок, крабов, водорослей предпочтительнее с экологической точки зрения, лучше обеспечивает сохранение и восполнение природных ресурсов.

Китай вступил в XXI век, доведя производство мяса до 55 млн тонн, яиц – до 18 млн тонн, рыбы и морепродуктов – до 28 млн тонн. Это четверть общемировых объемов. А поскольку китайцы составляют пятую часть человечества, это означает, что народ в достатке потребляет богатые протеином продукты. Библейское изречение «не хлебом единым» обрело

актуальность в современном Китае. Ибо слова «не рисом единым» стали девизом продовольственной политики.

Китайцы действительно нынче стали потреблять больше мяса и рыбы, круглый год есть больше овощей и фруктов. Благодаря улучшению рациона каждому жителю Поднебесной теперь требуется уже не 400, а 350 кг зерна в год. То есть для 1,5-миллиардного населения, каким оно станет в середине XXI века, потребуется 525 млн тонн зерна. Ну а увеличить его сборы с нынешних 500 до 525 миллионов тонн – вполне решаемая задача.

Итак, на вопрос, сможет ли КНР прокормить 1,5 млрд «человеко-ртов», есть достаточно оснований ответить утвердительно.

В Китае – дефицит невест

Негативные последствия ограничения рождаемости

Число холостых мужчин в Китае на 20 млн превосходит число незамужних женщин. А к 2020 году дефицит невест. Поднебесной еще более обострится: их станет на 35 млн меньше, чем женихов.

Нормальным считается биологический баланс полов, когда на 100 женщин приходится 105 мужчин. Однако с 1980 года, когда под лозунгом «Одна семья – один ребенок» в Китае началась политика жесткого ограничения рождаемости, этот показатель пополз вверх. И после 2000 года держится на уровне 117–120. На предстоящую пятилетку поставлена задача: к 2016 году снизить показатель до 112.

Слово «население» обозначается в китайском языке двумя иероглифами «жэнь» (человек) и «коу» (рот). Количество едоков – жизненно важная проблема для самой многонаселенной в мире страны, которая должна прокормить пятую часть человечества, имея лишь пятнадцатую часть мировой пашни. Со времени провозглашения КНР число ее жителей более чем удвоилось. Если в 50-х годах я писал из Пекина о «600-миллионном китайском народе», то нынче его численность превышает 1,3 млрд человек. Средняя продолжительность жизни китайцев за это время увеличилась с 35 до 70 лет, а растущее число человеко-ртов во многом сводит на нет результаты социально-экономического развития страны.

В Китае засеивается всего 130 млн гектаров, то есть по 10 соток на человека. Урбанизация изымает из сельхозоборота почти по миллиону гектаров ежегодно. Позабывшие о голоде крестьяне сокращают посевы зерновых ради более доходных технических культур. Значительная часть посевных площадей страдает от стихийных бедствий.

Цель лозунга «Одна семья – один ребенок» удержать численность населения КНР в пределах 1,5 млрд человек к 2050 году, когда, по расчетам демографов, рост должен прекратиться.

Решением этой нелегкой задачи занимается Госкомитет по планированию семьи, насчитывающий в своем штате несколько сотен тысяч человек. Он действует на правах министерства и имеет столь же разветвленный аппарат, как «Гуаньцзюй» (Управление общественной безопасности – аналог советского КГБ).

За демографические показатели персонально отвечает губернатор провинции и главы местных администраций. Так что без крутых, даже жестоких мер с их стороны дело не обходится. Против нарушителя лозунга «Одна семья – один ребенок» применяются как административные, так и экономические санкции. Работников государственных предприятий и учреждений могут уволить с работы, исключить из партии, лишить сверхпланового ребенка права на бесплатное образование и лечение.

Если у молодоженов родилась дочь – это не вызывает радости. Ведь по конфуцианской традиции именно сын должен обеспечить достойную старость отцу и матери. Дочь же после свадьбы становится членом семьи мужа и видит своих родителей лишь пару раз в год – по праздникам.

Хотя власти строго-настроено запретили ультразвуковые исследования с целью определить пол будущего ребенка, родители обращаются к частным врачам и прерывают беременность, если предстоит рождение девочки. Именно поэтому в Китае появился дефицит невест.

Стареет рабочая сила

Другое негативное последствие ограничения рождаемости – не только замедление роста населения, но и перемены возрастного состава рабочей силы.

Если прежде средняя статистическая китайка рожала трижды в жизни, то теперь этот коэффициент снизился до 1,7. Тогда как для простого воспроизводства он должен быть не ниже 2,1.

За три с лишним десятилетия осуществления лозунга «Одна семья – один ребенок» предотвращено рождение 400 млн младенцев. Стало быть, население КНР уже нынче могло бы составлять не 1,3, а 1,7 млрд человек. В то же время уменьшение числа младенцев негативно сказывается на возрастной структуре трудоспособного населения.

За годы бурного экономического роста 1980–2005 годов количество китайцев в возрасте 15–65 лет ежегодно увеличивалось на 2 %. Нынче прирост свелся к нулю. А в каждом последующем поколении будет на 20 % людей трудоспособного возраста меньше, нежели в предыдущем.

Словом, ускоряется процесс старения рабочей силы.

В 1985 году труженики 15–30 лет составляли 47 %. Нынче – 34, а через 20 лет доля молодежи упадет до 26 % рабочей силы. Зато растёт количество людей в возрасте 50–65 лет – не столь энергичных и менее образованных.

В итоге меняется соотношение работоспособного и престарелого населения. Нынче в Китае насчитывается 110 миллионов человек старше 65 лет. В 2035 году их будет 280 млн. Это будет непосильной нагрузкой для пенсионной системы.

Создалась парадоксальная ситуация, когда максимальное бремя должно лечь на поколение, минимально для этого подходящее: на «маленьких императоров», как окрестили китайцы эгоистичное племя своих единственных отпрысков.

Они не привыкли ни с кем делиться и тем более чем-либо жертвовать.

Таким образом, политика ограничения рождаемости существенно снизила рост населения. Однако породила целую вереницу негативных побочных последствий: ускорилось старение рабочей силы, обостряется дефицит невест. А всякое превышение спроса над предложением неизбежно ведет к росту цены. Именно это и происходит с невестами в Поднебесной.

Повышается планка «прожиточного минимума» для молодоженов в представлении их родителей. Когда я работал в Китае в 50-х годах, символами благосостояния там считались термос, позволяющий в любое время напиться чаю, а также велосипед, существенно расширяющий возможности удачного трудоустройства.

Теперь же у жениха символом достатка считается собственный автомобиль и выкупленное в собственность жилье. Так что малоимущим горожанам все чаще приходится сватать себе невест на селе.

Между тем

Что же касается лозунга «Одна семья – один ребенок», то, как заявил глава Госкомитета по планированию семьи Чжан Вэйцзин, всем горожанам скоро будет официально разрешено иметь двоих детей (жители сел, где нет ни школ, ни медпунктов, делают это уже давно, не опасаясь, что их внеплановый ребенок будет лишен права на бесплатное образование и лечение).

Спрос – стимулятор роста

Китай остается мировым лидером по темпам экономического роста. Даже в разгар мирового кризиса ежегодный рост ВВП превышал восемь процентов, что позволило Китаю опередить Японию и выйти по экономическому потенциалу на второе место в мире после США.

Помню, что в 60-х годах, когда я работал в Токио и писал книгу «Ветка сакуры», излюбленной темой карикатур в местных газетах были два бегуна: тучный, задыхающийся Дядя Сэм, которого обгоняет низкорослый, поджарый японец. Теперь же ясно, что роль мирового лидера у Америки отберет не Страна восходящего солнца, а Поднебесная.

Четыре удвоения

За годы реформ Китаю удалось четырежды удвоить валовой внутренний продукт на каждого жителя, то есть увеличить экономический потенциал страны в 16 раз. За это же время внешнеторговый оборот Китая увеличился стократно. По своей доле в мировой торговле Поднебесная опередила Страну восходящего солнца, которая в 60–80-х годах заполонила мир своими телевизорами и автомобилями.

Уместно напомнить, что именно творцы послевоенного японского чуда в свое время назвали потребительский спрос стимулятором экономического роста. Премьер-министр Икэда вошел в историю как автор инициативы, ставшей национальной идеей: за 60-е годы удвоить валовой внутренний продукт на каждого жителя Страны восходящего солнца. Решение этой задачи помогло Японии набрать темпы, чтобы за 60–80-е годы вырваться в тройку мировых лидеров вслед за США и СССР.

Ставку на внутренний потребительский спрос как на стимулятор экономического роста сделал и патриарх китайских реформ Дэн Сяопин.

Начинать не с города, а с села, чтобы прежде всего накормить народ, минимизировать социальную цену перехода к рынку.

Как уже отмечалось, Дэн Сяопин наметил четкий план модернизации страны. За 80-е годы удвоить валовой внутренний продукт на душу населения, поднять его с 250 до 500 долларов. За 90-е годы – вновь удвоить ВВП, довести его до 1000 долларов. А потом, к середине XXI века, то есть к 100-летию КНР, увеличить валовой внутренний продукт на человека еще в четыре раза – до 4000 долларов, или до нынешнего уровня благосостояния Греции и Португалии.

Выйти на намеченный Дэн Сяопином рубеж – 4000 долларов на человека, Поднебесная смогла задолго до 100-летия КНР (то есть до 2049 года). Таким образом, мечта патриарха реформ модернизировать страну, избавить ее от бедности и отсталости осуществляется досрочно.

После 30 лет реформ вместо 250 миллионов бедняков в Китае появилось примерно столько же «новых китайцев», то есть людей среднего достатка. В Поднебесной насчитывается 477 тысяч долларовых миллионеров. О победе над бедностью свидетельствует стремительная моторизация. Велосипедные реки на улицах китайских городов превратились в автомобильные. На рубеже нового тысячелетия в Поднебесной насчитывалось более 20 миллионов автомашин. Ныне же их стало вдесятеро больше.

Став лучше жить, самый многочисленный в мире народ стал больше покупать. Соседние государства опасались, что, став «мастерской мира», Китай завалит их своими товарами. Но произошло нечто иное. словно гигантский пылесос, Китай впитывает львиную долю продаж из Восточной Азии. Именно китайский рынок обеспечивает львиную долю прироста экспорта Японии, Тайваня, Южной Кореи. Причем, в отличие от них, Китай гораздо меньше зависит от

внешних рынков благодаря неуклонно растущему, поистине бездонному внутреннему потребительскому спросу.

Возможно ли подобие «потерянного десятилетия»?

Китай все заметнее играет роль локомотива, вытягивающего экономику планеты из глобального кризиса. Скоро он сможет опередить США и стать крупнейшей экономикой мира. Ведь китайцы уже побили другой рекорд: обогнали немцев по объему экспорта. Они довели свою долю в мировой торговле до десяти процентов (в 80-х годах столько же имели японцы, однако нынче их показатель вдвое ниже).

Между тем западные скептики твердят, будто нынешний рост в Китае имеет зыбкую основу. Что, мол, экономическая ситуация напоминает Японию 90-х годов, когда лопнул мыльный пузырь спекуляций с недвижимостью, а послевоенное экономическое чудо завершилось для Страны восходящего солнца двумя десятилетиями затяжного спада.

Япония на моих глазах вырвалась в число мировых лидеров, бросив вызов двум сверхдержавам – Соединенным Штатам и Советскому Союзу. Все 80-е годы японцы ежегодно продавали на 100 миллиардов долларов больше, чем покупали.

Однако Япония не сумела использовать эту вырубку ради постиндустриального периода. Хотя именно так поступили американцы, сделав ставку на информационные технологии (в результате чего, в частности, родился Интернет). Японцы же на свою беду предпочли спекулировать недвижимостью и ценными бумагами. Мыльный пузырь биржевых спекуляций в конце концов лопнул. Цены на недвижимость упали в несколько раз, акции обесценились, банки оказались под бременем безнадежных долгов.

Самые высокие темпы роста сменились «потерянным десятилетием», как жители Страны восходящего солнца прозвали роковые для них 90-е годы. Да и прошедшие затем годы 2000-е тоже не смогли вернуть японской экономике былой динамизм.

На первый взгляд современный Китай и Япония 90-х кое в чем схожи. Однако западные эксперты игнорируют коренное различие этих соседних стран. Китайская экономика несравненно меньше, нежели японская, зависит от экспорта и гораздо больше – от неуклонно растущего внутреннего спроса. Ведь потребителей в Поднебесной в десять раз больше, чем в Стране восходящего солнца.

Важное преимущество Китая состоит в том, что бум недвижимости в Поднебесной основан не на банковских займах, а на личных сбережениях. Китайская семья привыкла откладывать на черный день почти 30 процентов ежемесячного дохода. Это порождено слабостью системы социального обеспечения и здравоохранения. Благодаря личным сбережениям каждый четвертый китайский покупатель квартиры или дома предпочитает выплачивать всю стоимость сразу, а рассрочка в среднем не превышает половины суммы. Лишь примерно пятая часть строительства жилищ и офисов финансируется за счет банковских ссуд.

Инвестиции в инфраструктуру

Западные эксперты, предсказывающие Китаю подобие «потерянного десятилетия» Японии, считают также опасным чрезмерное инвестирование, которое может породить избыток производственных мощностей. Однако почти три четверти средств, выделенных для противодействия кризису, предназначены в Китае для инвестирования в инфраструктуру.

Именно в кризисные годы в Поднебесной проложено 60 тысяч километров скоростных автострад. По их общей протяженности впереди остались только Соединенные Штаты. Поднебесная имеет шесть из десяти самых грандиозных в мире мостов, самую скоростную в мире железнодорожную линию, несколько ультрасовременных аэропортов.

С другой стороны, половина китайских сел до сих пор не имеют даже грунтовой дороги до ближайшего города. Хотя КНР занимает почти такую же территорию, как США, общая протяженность китайских дорог вчетверо меньше, чем американских.

Одним словом, пророчить Китаю подобие японского «потерянного десятилетия» нет оснований. Япония 90-х уже была развитой индустриальной державой, близкой Америке по валовому внутреннему продукту на душу населения. Если же поделить впечатляющие экономические показатели КНР на число ее жителей, окажется, что Китай находится не во главе, а в хвосте списка. Ибо ВВП на душу населения в Поднебесной примерно в десять раз меньше, чем в США или Японии. Однако именно это отставание означает, что потенциал роста у Поднебесной несравненно выше. Даже если по каким-то причинам в китайской экономике вздуется и лопнет пресловутый пузырь, это не приведет к затяжной стагнации.

Электромобиль на автостраде

Примечательные черты моторизации Китая

Китай стал крупнейшим в мире автомобильным рынком. Даже в кризисном 2009 году он сумел продать местным потребителям 13 миллионов машин. Тогда как традиционный лидер автопрома – Соединенные Штаты – впервые оказались позади, продав у себя менее 10 миллионов. А год спустя в Поднебесной появилось уже 17 миллионов новых автовладельцев.

Даже рекордные показатели стремительной моторизации Японии (которая произошла в 60-х годах буквально на моих глазах) меркнут на фоне того, что демонстрирует нынче Китай. Ибо жители царства велосипедов не просто меняют двухколесный транспорт на четырехколесный. К новому словосочетанию «китаец за рулем» теперь порой уже можно добавить: «За рулем электромобиля на скоростной автостраде».

В официальных кругах Пекина заговорили о намерении за три года сделать Китай одним из крупнейших производителей электромобилей. Да и прогнозы ведущих автоконцернов предсказывают, что, если цену удастся снизить втрое (то есть до 10 тысяч евро), годовая продажа электромобилей на мировом рынке может достичь полутора миллионов, из которых не менее двухсот тысяч придется на долю Китая.

Уже сейчас по китайским дорогам ездит более 10 тысяч машин с электрическим или гибридным двигателем. Рост их числа сдерживает нехватка станций для зарядки или замены аккумуляторов.

Первый китайский грузовик

Хорошо помню март 1953 года, когда мы с женой сошли с поезда Москва – Пекин. На привокзальной площади глазам открылась древняя городская стена с воротами Цяньмэнь. Мимо текла река велорикш и велосипедистов. В ней изредка проплывали автомашины, чаще всего советские «победы». На одной из них нас встретили коллеги из корпункта «Правды».

У всех наших соотечественников были китайские водители, ибо самим садиться за руль запрещалось. После победы революции в КНР был принят закон, по которому иностранец, сбивший китайца, должен был пожизненно выплачивать пособие не только ему, но и его детям до совершеннолетия. Единственным видом общественного транспорта в Пекине тогда были трехколесные велорикши. Но пользоваться ими нам тоже не разрешалось по морально-этическим соображениям.

В одной из первых корреспонденций из Пекина я писал о трех заветных мечтах тогдашнего китайского труженика. Первая – купить термос, чтобы можно было в любое время выпить чаю. Вторая – приобрести авторучку, чтобы все видели: перед ними человек грамотный.

Наконец, третья мечта – стать хозяином велосипеда, чтобы расширить возможности удачного трудоустройства.

Когда после семилетней работы в Пекине 50-х годов я вновь попал туда на четыре года в 90-х, в 12-миллионном городе было зарегистрировано 10 миллионов велосипедов. Когда микроавтобус агентства «Синьхуа» вез нас на работу в их бескрайнем потоке, я с тревогой думал, что же будет, когда китайцы начнут пересаживаться на автомобили?

И вот это время пришло. Вместо термоса, авторучки и велосипеда статус-символами состоятельного китайца ныне стало выкупленное в собственность жилье, туристическая поездка за рубеж и личная автомашина.

Вспоминаю, как летом 1956 года мне довелось присутствовать на пуске первого в Китае автомобильного завода в Чанчуне. Это было одно из 156 предприятий, которые сооружались с советской помощью, чтобы заложить основу индустриализации КНР.

Рядом со мной у конвейера стоял 30-летний инженер, стажировавшийся на московском ЗИЛе. Это был мой ровесник Цзян Цзэминь – будущий председатель КНР. На наших глазах из цеха выехал первый грузовик «цзефан». Он вскоре обрел у китайцев такую же популярность, как у нас «полуторка».

Кроме грузовиков в Чанчуне выпускали представительские лимузины «хунци». Это был гибрид американского «кадиллака» и советской «чайки», то есть «членовоз», предназначенный для высшего начальства.

Приехав в 2006 году на открытие года России в Китае, я был рад узнать, что завод в Чанчуне, именуемый «Первый автомобильный», по объему продаж лидирует в отрасли. Он ежегодно производит более миллиона машин, из которых 20 тысяч экспортирует.

Заявка на лидерство

Сейчас трудно поверить, что до начала реформ в Поднебесной насчитывалось лишь 3 миллиона автомобилей. В 2000 году их стало уже 20, а скоро уже будет 200 миллионов. По количеству машин Пекин догнал Москву. И поскольку пропускная способность тамошнего метро на порядок уступает нашему, транспортные заторы стали головной болью властей китайской столицы.

Став очевидцем моторизации обоих наших дальневосточных соседей, кроме общей черты – стремительности, хочу отметить и различия. Во-первых, две трети продукции автомобильной промышленности Японии приходится экспортировать. Китай же может полагаться на внутренний спрос, который растет опережающими темпами. Так что КНР не опасается пошлин, квот или требований открывать за рубежом сборочные предприятия, дабы создавать рабочие места в странах-потребителях.

Другое преимущество Поднебесной перед Страной восходящего солнца касается состояния дорожной сети. Япония уникальна тем, что до XIX века не знала колеса, была страной без телег и без карет. Самураи путешествовали верхом, богатых людей носили в паланкинах. Простолюдины же перемещались только пешком.

Не случайно поток сошедших с конвейера японских автомашин уперся в бездорожье. Шоссе Осака – Нагоя было единственной автострадой в стране. С дорожной сетью дело до сих пор обстоит хуже, чем в Северной Америке и Западной Европе. Поэтому для поездок из одного города в другой японцы доныне предпочитают сверхскоростные пассажирские поезда.

В Китае же протяженность первоклассных автомагистралей за первое десятилетие нового века (то есть за годы глобального кризиса) удвоилась. Ныне она превышает 60 тысяч километров. По этому показателю КНР вышла на второе место в мире после США.

И если у нас бездорожье со времен Карамзина по-прежнему остается традиционной российской бедой, то даже Западная Европа ныне оказалась позади Китая по общей длине автострад. Включая и Германию, где Гитлер в 30-х годах пытался использовать строительство автобанов для борьбы с экономическим кризисом.

Однако шестирядные автострады с многоуровневыми развязками не означают, что Поднебесная полностью решила проблему транспортной инфраструктуры. Две пятых китайских деревень до сих пор не имеют хотя бы грунтовой дороги, по которой можно было бы доехать до ближайшего города. Так что и дорожное строительство, и автопром до сих пор имеют поистине бездонный потенциал развития.

В отличие от Индии, которая долгое время безуспешно пыталась создать автопром сама, Китай сразу же широко распахнул двери для зарубежных производителей. Создание на своей

территории сборочных предприятий ведущих зарубежных концернов привело к общему повышению технологического уровня отрасли. И россияне, перенявшие китайский опыт, за последние годы успели в этом убедиться.

Превращение Китая в одного из главных участников производства и продажи автомобилей можно считать красноречивой заявкой Поднебесной на роль ведущей мировой державы. Ее символом скоро может стать китаец за рулем электромобиля, мчащегося по скоростной автостраде.

«Мастерская мира» станет «мировой лабораторией»

Мировая общественность не без основания именует ныне Китай «мастерской мира». Это звание когда-то первой заслужила Англия после промышленной революции XVIII века. Текстильные фабрики Манчестера сделали тогда сюртук из «аглицкого» сукна заветной мечтой любого состоятельного человека.

Благоприятный инвестиционный климат, обеспечивший приток сотен миллиардов долларов в созданные на побережье особые экономические зоны, плюс дешевая и добросовестная рабочая сила, способная безупречно работать на современном оборудовании и по новым технологиям, – вот формула успеха Поднебесной, превзошедшей в наши дни достижения воспе-той Диккенсом Британии, а также послевоенной Японии.

Теперь пекинское руководство поставило новую цель: совершить еще один прорыв, уже не количественный, а качественный. Превратить «мастерскую мира» в «мировую лабораторию». В страну, которая не заимствовала бы чужие технологии, а сама создавала их, превратилась бы в равноправного участника научно-технического прогресса.

Итак, XXI век поставил перед Китаем, как и перед Россией, задачу – перейти к «экономике знаний», превратиться в инновационную державу. И тут оказалось, что древние конфуцианские традиции дают в наши дни важные преимущества.

В китайском народе издавна укоренился культ учености, представление о том, что только образование способно повысить положение человека в обществе, то есть служить каналом социальной мобильности.

К разговорам о превращении Китая в «мировую лабораторию» российский обыватель порой относится скептически. Он привык судить о китайском экспорте по второсортному ширпотребу, который привозят к нам «челноки». И микроволновку с маркой «Сделано в КНР» купит в последнюю очередь. Однако уже третье поколение американцев с детства привыкли носить только добротную и недорогую школьную форму, сделанную на китайских фабриках. Она имеет в США такую же добрую репутацию, как у нас в 50-х годах китайские шерстяные свитеры с маркой «Дружба».

Став «мастерской мира», Китай продает в Соединенные Штаты на порядок больше товаров, чем в Россию. Еще важнее, что по структуре своего экспорта он не уступает самым развитым и богатым странам. КНР, к примеру, ввозит в США больше наукоемких, высокотехнологичных товаров, чем туда поступает из государств Европейского союза.

Свыше 300 миллиардов долларов в китайском экспорте составляют интегральные схемы, компьютеры, цифровые камеры, мобильные телефоны и их компоненты. Однако лишь 15–20 процентов добавленной стоимости этих товаров причитается китайским предпринимателям. Остальное идет в уплату зарубежным владельцам патентов и лицензий.

Сделанные в Поднебесной наукоемкие, высокотехнологичные товары конкурентоспособны, ибо качественны и дешевы. Но они, строго говоря, на четыре пятых не китайские. Способен ли Китай превратиться из имитатора в создателя новых ноу-хау?

Поднебесная уже была авангардом прогресса

А ведь вплоть до XV века именно Китай шел в авангарде научно-технического прогресса. Все знают «четыре великих изобретения», которыми он обогатил человечество. Это компас и порох, бумага и книгопечатание.

В конце XI века, когда европейцы следили за временем только по Солнцу, китайский мастер Су Сун создал механические водяные часы. Они ошибались не больше чем на пару минут в сутки. Струя воды из пополняемого бачка вращала колесики с блюдами и приводила

в движение сложный механизм. Каждые четверть часа раздавался удар барабана, каждые два часа – бой колокола. Меняла свое положение и имитация небесной сферы с Солнцем, Луной и планетами.

Вплоть до XV века Китай опережал Европу по металлургии, судостроению, машинам для переработки хлопка, джута и шелка. Но если промышленная революция в Англии XVIII века дала толчок научно-техническому прогрессу в Европе, то Китай с XV века как бы утратил стимул для движения вперед. Срединное царство за Великой стеной процветало, не имея соперников. Его приоритетами стали стабильность, а не развитие, преемственность, а не обновление.

Китай продавал в Европу все больше чая и шелка. Но не проявлял интереса к «аглицким» сукнам, которые пользовались популярностью во всех столицах. Когда же посол королевы Виктории выразил по этому поводу свое недоумение, император Цяньлун ответил, что Поднебесная сама производит все, в чем нуждаются ее жители.

Постоянно растущая утечка серебра из Лондона в Пекин беспокоила англичан и побуждала их выращивать в Индии опиум, дабы контрабандой сбывать его китайцам. Наркомания стала распространяться по Поднебесной, как степной пожар. А когда губернатор одной из южных провинций повелел сжечь 25 тысяч ящиков конфискованного зелья, британская эскадра обстреляла портовые города Китая. Так началась первая из опиумных войн, которые в XIX веке превратили Срединное царство в полуколонию.

Современному Китаю, который, словно пробудившись от сна, рвется к мировому лидерству, не приходится выбирать: стабильность или прогресс? В странах, борющихся с бедностью и отсталостью, социальный мир невозможен без экономического взлета. А экономика нынче может развиваться лишь на основе научно-технического прогресса. Чтобы «мастерская мира» превратилась в «мировую лабораторию», нужно увеличить инновационную составляющую роста, самостоятельно создавать интеллектуальную собственность.

До начала реформ Китай тратил на научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) менее одного процента валового внутреннего продукта. К 2020 году вложения в научно-технический прогресс увеличатся до 2,5 процента ВВП.

Пиратство – это бумеранг

Перспективная программа создания «экономики знаний» ставит целью сократить зависимость Китая от иностранных технологий с 80 до 30 процентов. Стимулировать инновации можно лишь на основе эффективной защиты интеллектуальной собственности. А великие имитаторы из Поднебесной за годы реформ пристрастились к пиратству. Они мастерски подделывают не только древние бронзовые курительницы эпохи Чжоу, но и модные швейцарские часы «ролекс», японские цифровые камеры «Никон».

Пиратство, от которого прежде страдали иностранцы, как бумеранг, начинает бить и по китайцам. Так что требуется коренное перевоспитание отечественных предпринимателей.

Инновационной экономике нужны новые кадры. Как уже упоминалось, конфуцианский культ учености способствует их подготовке. Китайские вузы уже сейчас выпускают вчетверо больше инженеров, нежели американские.

Ведущие транснациональные корпорации начали создавать свои научно-технические центры не только в странах «Большой восьмерки», но и в Китае. Там уже действуют 750 таких центров, и по их числу Поднебесная уступает лишь Соединенным Штатам и Великобритании. Известная фирма «Нokia» сосредоточила 40 процентов всех опытно-конструкторских разработок по сотовым телефонам в своем научно-техническом центре в Пекине.

Китайская фирма «Хуавэй» занимает шестое место в мире по производству сотовых телефонов. Она ежегодно продает их почти на 10 миллиардов долларов. Примечательно, что деся-

тую часть этой суммы и почти половину своей рабочей силы корпорация нацелила ныне на научные исследования и опытно-конструкторские разработки.

Вузовская наука в Чжунгуаньцуне

Китайские аналоги американской «Кремниевой долины» – это прежде всего Шэньчжэнь, выросший из рыбацкого поселка по соседству с Гонконгом. Это шанхайский район Пудун, который называют городом XXI века. И наконец, Чжунгуаньцунь – «зона содействия развитию высоких и новых технологий» в северо-западном университетском предместье Пекина.

В 1992–1996 годах я неожиданно для себя оказался тамошним жителем. Иностранцев, работавших в агентстве «Синьхуа», размещали в гостиничном комплексе «Дружба», некогда построенном для советских специалистов. Там-то мне и довелось познакомиться с первыми «возвращенцами», подключившими вузовскую науку к делу превращения Китая в инновационную державу.

Нужно пояснить, что с первых лет реформ китайские власти ежегодно направляют тысячи молодых людей в зарубежные вузы и очень спокойно реагируют на то, что лучшие из них получают предложение остаться работать в США, Европе или Японии. Такой поступок не влечет исключение из комсомола, не ставит пятно на репутацию родственников. «Мы гордимся успехами соотечественников и надеемся, что в свое время они вернуться на родину не просто как обладатели дипломов, а как сложившиеся специалисты».

Такое официальное заключение часто подтверждается. Лет через десять – пятнадцать многие «невозвращенцы» чувствуют, что достигли потолка в зарубежной карьере, и выражают желание продолжать свои научные исследования на родине. Поисками места для этого занимаются специально созданные агентства.

Они, конечно, не могут предложить китайскому репатрианту 60 тысяч долларов в год, которые тот получал в США. Но по паритету покупательной способности ежемесячно получать в Пекине по тысяче долларов, или по 7–8 тысяч юаней, не так уж плохо (жил ведь я там четыре года на две тысячи юаней).

Словом, появившиеся в университетском предместье столицы «возвращенцы» дали толчок развитию вузовской науки. К примеру, пекинец Цзин Чэн, занимавшийся биотехнологиями в Калифорнии, создал при своей альма-матер – университете Цинхуа фирму «Капитал-Био».

Правительство заказало ей аппаратуру, способную выявлять у спортсменов наличие запрещенных допингов (стероидов). Госзаказ был выполнен. Фирма не только обеспечила нужды Оргкомитета Олимпиады-2008, но и успешно экспортирует лучшие в мире лазерные сканеры на биочипах для тестирования спортсменов. Китайцы в шутку называют это своим первым олимпийским рекордом. А если серьезно – налицо наглядный шаг к тому, чтобы стать родиной собственных высоких технологий.

От экономических реформ – к политическим

Законность вместо «революционной целесообразности»

Начиная политику реформ и открытости, Дэн Сяопин подчеркивал, что ее цель – не только преобразовать плановую экономику в рыночную, но и модернизировать промышленность, сельское хозяйство, науку и оборону. «Четыре модернизации» стали лейтмотивом партийной пропаганды.

КПК сформулировала стратегическую цель: «К середине XXI века в основном завершить модернизацию и превратить Китай в богатую, могучую, демократическую, цивилизованную социалистическую страну». Под «цивилизованностью» имеется в виду отнюдь не демократия западного образца, а китайский вариант «полуторапартийной системы».

Политическая модель Китая воплощает популярную в Восточной Азии идею «просвещенного авторитаризма». Этот термин некогда ввел в оборот Ли Куан Ю – основатель современного Сингапура, трактуя его как «регулируемый рынок при управляемой демократии». По мнению поборников просвещенного авторитаризма, экономические реформы должны предшествовать политическим. Лишь после того, как сформированные при активной роли государства рыночные отношения кардинально улучшат жизнь большинства населения, можно переходить к постепенной демократизации общества.

Странам с конфуцианскими традициями чужда конфронтационная модель маятника. Чередованию у власти победителей и побежденных в Восточной Азии предпочитают поиски общего согласия через компромиссы. Система, при которой наиболее авторитетная политическая сила имеет абсолютное большинство в парламенте и неизменно остается у власти даже в условиях многопартийности, обеспечила экономическое чудо в Сингапуре и на Тайване, а также в Южной Корее и Японии. Китайский вариант «полуторапартийной системы», судя по всему, планируют и в Пекине.

«Пятая модернизация»

На Западе принято считать, что китайские реформы преобразовали экономику, но не коснулись политической жизни. Дескать, коммунистическая диктатура по-прежнему игнорирует права человека. Но это не так!

Первым шагом к осуществлению «пятой модернизации», то есть к совершенствованию политической системы, можно считать провозглашенное Дэн Сяопином верховенство закона. Именно «архитектор реформ» во всеуслышание заявил, что партийно-государственный аппарат вправе действовать лишь в рамках конституции. Конкретным проявлением этого стал запрет пожизненного лидерства.

Принятый по настоянию Дэн Сяопина закон разрешает занимать высшие посты в партии и государстве не более двух пятилетних сроков подряд. Патриарх реформ заранее наметил себе преемника и преемника своего преемника. Цзян Цзэминя сменил Ху Цзиньтао. А на смену ему десять лет спустя пришел Си Цзиньпин.

Сам переход от «революционной целесообразности» к идее о том, что законы писаны для всех, в том числе и для партийных руководителей любого ранга, стал существенным шагом к демократизации китайского общества.

Теперь главным направлением политических реформ в Китае, судя по всему, станет расширение практики выборов на альтернативной основе. Они уже проводятся на уровне волостей и постепенно распространяются на уезды.

Став лучше жить, самый многочисленный в мире народ стал больше покупать. Словно гигантский пылесос, Китай впитывает половину экспорта стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Благодаря неуклонно растущему внутреннему спросу он гораздо меньше, чем соседняя Япония, зависит от экспорта. А это было особенно важно в период глобального финансового кризиса.

Примечательно, что именно Китай первым ощутил признаки оздоровления экономики. Это объясняется помощью государства реальному сектору, щедрыми инвестициями в инфраструктуру, устойчивостью банковской системы, а также малой распространенностью таких форм кредитования, как ипотека.

Культ учености

XXI век поставил перед Китаем, как и перед Россией, задачу перейти к инновационной экономике. И тут оказалось, что древние конфуцианские традиции дают в наши дни Поднебесной важные преимущества. Китайцам генетически присущ культ учености, представление о том, что только образование способно повысить положение человека в обществе. Китайские вузы уже сейчас выпускают вчетверо больше инженеров, нежели американские.

КНР поставляет ныне на мировой рынок больше продукции информационных технологий, чем США или ЕС. Но лишь 15–20 процентов стоимости этих компьютеров, мобильных телефонов, цифровых фотокамер причитаются китайским предпринимателям. Остальное идет в уплату зарубежным владельцам лицензий и патентов. Перспективная программа создания «экономики знаний» ставит целью к 2020 году сократить зависимость Китая от иностранных технологий с 80 до 30 процентов.

Сейчас трудно поверить, что до начала реформ в Поднебесной насчитывалось лишь 3 миллиона автомашин. В 2000 году их стало уже 20, а скоро будет 200 миллионов. Ведь для «новых китайцев» символом благосостояния стал уже не велосипед, а автомобиль.

Основоположник политики реформ Дэн Сяопин и его преемник Цзян Цзэминь бросили народу клич: «Обогащайтесь!» – и поощряли тех, кто добился этого раньше других. За три десятилетия реформ удалось вызволить из нужды четверть миллиарда бедняков, вместо которых появилось четверть миллиарда «новых китайцев». К 2020 году эта прослойка может удвоиться.

И вот правящая партия сочла необходимым вновь вернуться к лозунгу социального равенства. Ключевым термином политического лексикона стало слово «гармонизация». Поставлена цель: остановить и повернуть вспять процессы поляризации, сгладить противоречия материальных интересов различных регионов, различных слоев общества.

Создание свободных экономических зон на юге и востоке вызвало расцвет приморских провинций. Однако Центральный и Западный Китай, на долю которых приходится 89 процентов территории и 46 процентов населения, еще не избавились от бедности и отсталости.

Увеличился разрыв в уровнях жизни не только между приморьем и глубинкой, но также между городом и деревней. Доходы сельских жителей втрое ниже, чем у горожан. Учителя, врачи, научная и творческая интеллигенция недовольны тем, что оклады бюджетников несравнимы с заработками в частном секторе.

Новый курс означает смену не только целей, но и методов руководства. Вместо того чтобы служить инструментом ломки старого, компартия Китая теперь видит свою задачу в том, чтобы быть выразителем общенациональных интересов, правящей партией, способной компетентно управлять государством, опираясь на законность, демократичность, научность.

В отличие от шанхайца Цзян Цзэмина и его окружения, четвертое поколение руководителей – председатель КНР Ху Цзиньтао и глава правительства Вэнь Цзябао – оба начинали карьеру в бедных провинциях Дальнего Запада. Они по личному опыту знают трудности и

надежды глубинки, самой своей жизнью и карьерой подготовлены к тому, чтобы от призыва «Пусть в Китае будет больше богатых!» перейти к достижению следующей стратегической цели – «Пусть в Китае станет меньше бедных!» Эту эстафету на предстоящие 10 лет принял Си Цзиньпин.

Пора учить иероглифы

Китайская грамота постижима и все более нужна

В российско-китайских отношениях обозначилась новая примечательная тенденция: переходить от количественных показателей к качественным. То есть не только расширять торгово-экономическое сотрудничество и активизировать гуманитарные связи, но и применять при этом комплексные формы взаимодействия.

По общему признанию, были успешно осуществлены такие национальные программы, как год России в Китае (2006) и год Китая в России (2007). Опираясь на этот положительный опыт, оба правительства приняли решение провести в 2009 году – год русского языка в Китае, а в 2010-м – год китайского языка в России.

В рамках года русского языка в Китае состоялось более двухсот различных мероприятий. Их активными участниками были не только профессиональные русисты, но и 12 тысяч студентов, изучающих русский язык в более чем ста китайских вузах.

Около 10 тысяч молодых россиян штурмуют китайскую грамоту в высших учебных заведениях нашей страны. А в Москве к тому же насчитывается более десятка школ, где язык Поднебесной начинают осваивать с подросткового возраста. В рамках года китайского языка директора таких школ из различных городов были приглашены посетить КНР. По программе года запланировано создание российского общества преподавателей китайского языка.

Люди стали все чаще говорить о Китае. И это неудивительно. Поднебесная уверенно движется к мировому лидерству. Недалеко время, когда находиться на переднем крае научно-технического прогресса будет трудно без чтения литературы на китайском языке. И это закономерно рождает вопрос: постижима ли китайская грамота? Что ждет смельчака, решившегося ее осилить? Сколько в ней знаков? Какую часть из них необходимо знать?

В Китае утвержден список около двух тысяч иероглифов, употребляемых в периодической печати. Всего же их более двадцати тысяч. В литературных и научных текстах встречаются иероглифы, которых нет в упомянутом списке. И дотошные читатели отыскивают их в толковых словарях, которые всегда под рукой у интеллигентного человека.

У молодых служащих японских фирм появилось новое увлечение. Вместо того чтобы после работы петь караоке, многие из них, сидя за пивом, разучивают диалоги по-китайски. Зная язык бурно развивающегося соседа, можно получить интересное назначение. Так что упомянуть об этом в резюме стало полезно для карьеры. В японских вузах китайский язык стал ныне самым популярным после английского. Количество людей, начавших изучать его еще в школе, утроилось.

Согласно опубликованному в Пекине докладу, китайский язык ныне преподается в более чем двух тысячах вузов почти ста государств.

Поскольку оптимальный состав лингвистической группы не должен превышать двадцати учащихся, потребность в преподавателях китайского языка уже сейчас перевалила за полтора миллиона. Фактически же их всего сорок тысяч, в том числе в КНР – шесть тысяч. Стало быть, преподавание китайского языка становится одной из самых востребованных в мире профессий.

Иероглифика закаляет характер

Вряд ли есть еще в мире народ, чей родной язык и особенно письменность оказывают столь большое влияние на формирование человеческой личности. Ведь заучивание иерогли-

фов отнимает у китайских детей в три-четыре раза больше времени, чем правописание у школьников других стран.

По личному опыту знаю, что китайская грамота, которой я занимался по восемнадцать часов в неделю в Военном институте иностранных языков, сделала меня другим человеком. В школе мне удавалось быть круглым отличником, презирая «зубрил», сдавать экзамены на пятерки методом «кавалерийской атаки».

После пяти лет обучения в институте и одиннадцати лет работы в Пекине моя бесшабашная русская натура обрела черты, которые обычно приписывают немцам, но еще более присущие китайцам: целеустремленность и настойчивость, граничащие с упрямством и одержимостью.

Сложность китайской грамоты стала нарицательной. Легко ли первокласснику сразу запомнить все буквы? А теперь представьте, что каждую неделю ему задают выучить еще один алфавит. И не знаешь, что труднее: то ли запомнить тридцать новых знаков, то ли не забыть при этом триста старых...

Владение иероглифической письменностью издавна служит в Поднебесной не только критерием образованности, но и ключом к карьере. Задолго до нашей эры китайский феодализм был по-своему демократичен. Все государственные должности заполнялись на конкурсной основе. Претенденты писали сочинения, состязаясь в умении решать житейские проблемы на основе конфуцианских текстов. Вместо заполнения анкет, о личных качествах нанимаемых судили по их почерку. Китайцы доныне считают каллиграфию зеркалом характера человека.

Чтобы выйти в люди, требовалось учиться прилежнее других. Образование служило в Поднебесной главным и единственным каналом социальной мобильности. Неслучайно, обращаясь к другому человеку, китаец вместо «господин» говорит «учитель».

Что же ждет смельчака, решившегося осилить китайскую грамоту? На основе своего жизненного опыта хочу сравнить это с судьбой мальчика, вынужденного по шесть часов в день упражняться в игре на скрипке. Помню, что труднее всего было освоить те шестьсот иероглифов, что нам давали на первом курсе. Мы тогда не расставались со спичечными коробками, куда клали карточки: на одной стороне китайское написание знака, на другой – его звучание и значение. Сначала учились узнавать иероглиф, как человеческое лицо. Потом старались запомнить, как он читается и пишется.

Отрадную новость для будущих китаистов содержит доклад Министерства образования КНР. В нем говорится, что, зная девятьсот наиболее распространенных иероглифов и располагая словарным запасом в десять тысяч слов, можно читать 90 процентов печатной продукции на китайском языке.

Словом, суждения о непостижимости «китайской грамоты» несколько преувеличены. Овладеть иероглифической письменностью не труднее (хотя и не легче), чем выучиться хорошо играть на скрипке.

Язык половины населения

До 1949 года 80 процентов китайцев не умели читать и писать. Работая в Пекине, в годы революционного романтизма первой пятилетки, я застал множество массовых кампаний. Кроме уничтожения мух и воробьев среди них была и тотальная ликвидация неграмотности. Писал очерки о школьниках, которые учили матерей писать иероглифами свое имя, дабы впервые в жизни голосовать на выборах.

Ныне в Поднебесной насчитывается полтора миллиона учебных заведений, где учатся четверть миллиарда человек. Всеобщим обязательным девятиклассным образованием охвачены районы, где проживает 90 процентов населения. А оно со времени провозглашения КНР

более чем удвоилось. Примечательно, что если прежде в школу ходили лишь 15 процентов девочек, то теперь количество школьников и школьниц практически сравнялось.

Министерство просвещения КНР как о большом успехе заявило, что общенациональным нормативным китайским языком овладела почти половина населения страны. Не сомневаюсь, что это сообщение удивит многих иностранцев. Известно, что Поднебесная по своему национальному составу весьма однородна. Девяносто процентов ее жителей составляют ханьцы – этнические китайцы. Национальные меньшинства насчитывают всего 130 миллионов человек. Но если говорить по-китайски выучилась лишь половина китайцев, на каком же языке общаются между собой остальные?

Когда шестьдесят лет назад я начинал учить китайский язык, каждого из одуревших от зубрежки первокурсников свербил мысль: неужели нельзя заменить древние идеограммы современным алфавитом, как это сделали другие страны? Вскоре, однако, мы узнали, что жители различных провинций Китая говорят на разных диалектах, которые отличаются друг от друга больше, чем украинский или белорусский языки от русского.

Так что иероглифическая письменность служит для них связующим звеном. Помню, как я наглядно увидел это, проехав на поезде Пекин – Шанхай. Пассажиры, вышедшие прогуляться по перрону, допытывались, сколько минут продлится стоянка. Но беда в том, что слово «сы» на юге означает «десять», а на севере – «четыре». Поэтому проводнику пришлось пояснять свою речь, чертя на ладони воображаемые иероглифы.

Нормативным общенациональным устным языком путунхуа традиционно владели только чиновники (мандарины). Поэтому на Тайване и в Сингапуре его доньше именуют «мандарин». Чтобы облегчить доступ в КНР, сингапурские и тайваньские лидеры принялись обучать свои разношерстные китайские общины нормативному языку путунхуа. Благодаря широкому распространению телевидения и всеобщему среднему образованию им удалось решить эту задачу раньше, чем в континентальном Китае.

Когда я работал в Пекине, мне было трудно объяснять приезжавшим из Москвы начальникам, почему я, китаист, порой не могу понять собеседника-китайца. А в этом не было уверенности нигде и никогда. Революция начиналась на берегах Янцзы. Поэтому в Пекине, в высших эшелонах власти, было много южан. Тогда как Гражданская война прокатилась по стране с севера на юг. И руководителями в южных провинциях часто оказывались северяне.

Даже теперь, после тридцати лет реформ, разрыв в уровнях доходов и образования между городом и деревней, между приморьем и глубинкой отражается в речи людей, в том, насколько местное произношение и лексика превалируют над нормативным языком. Так что если более 600 миллионов китайцев заговорили на путунхуа – это немалый успех, который может лишь воодушевлять иностранных китаистов во всех странах.

Стихия и политика

Хуанхэ – «горе Китая»

Китайская цивилизация родилась на берегах Хуанхэ, то есть Желтой реки, прозванной в народе «горем Китая». Почему же именно в ее бассейне особенно часты катастрофические наводнения? Ведь воды там течет в двадцать раз меньше, нежели в соседней Янцзы.

Главная причина буйного нрава Желтой реки как раз и состоит в том, что она желтая. Будто гигантский землесосный снаряд, Хуанхэ ежегодно выносит в море около миллиарда кубометров грунта. Ей принадлежит первое место в мире по мутности воды. Самая мутная река в СНГ – Амударья несет в кубометре воды около четырех килограммов взвешенных частиц. Хуанхэ же – тридцать четыре килограмма.

Грунт приносится дождевыми потоками с Лессового плато, которое огибает река. В низовьях, где течение замедляется, лесс оседает. Река загромождает наносами собственное русло, начинает метаться и буйствовать. Образуется цепь бедствий: муссонные ливни размывают почву, наносы загрязняют русло реки, из-за чего она разливается.

Вот уже две тысячи лет на берегах Хуанхэ не прекращается строительство паводкозащитных дамб. С грандиозностью этих сооружений может сравниться разве что Великая Китайская стена.

Однако, устилая свое дно наносами, река поднимается все выше, заставляя людей вновь и вновь наращивать дамбы.

Так Хуанхэ превратилась в своеобразное чудо природы. В низовьях она течет выше окружающей равнины. Не могу забыть чувство страха, когда едешь по шоссе, а рядом, как бы над тобой, проплывает большой пароход.

Вырываясь из оградительных дамб, Хуанхэ иногда вовсе бросает свое прежнее ложе. За последние три десятка лет она шесть раз резко меняла русло и устремлялась к морю новыми путями. И каждая такая перемена становилась катастрофой для жителей Северокитайской равнины.

Стихийное бедствие как оружие

Но все ли подобные бедствия лежат на совести Дракона, которого китайцы считают «повелителем вод»? Нет, отвечает история. В 1128 году на Китай с севера наседали полчища степных кочевников-чжурчженей. Перед тем как бежать из столицы – Кайфэна, император Гаоцзун повелел разрушить дамбу на Хуанхэ, дабы «водами заменить войска».

В 1938 году безрассудный поступок средневекового владыки повторил Чан Кайши. Гоминьдановские газеты принялись восхвалять мудрость средневекового императора, изощрялись в исторических параллелях. Тогда, мол, к столице Поднебесной подступали кочевники из Большой степи. Теперь – японские интервенты...

Не хватало лишь привести еще одно сопоставление. Напомнить о том, что правители Сунской династии больше, чем нашествия варваров, боялись восстания собственных крестьян. За спиной сражавшихся патриотов они вели тайные переговоры с врагом, погубили национального героя Юэ Фэя. Такая историческая параллель в данном случае подошла бы больше всего.

Чего хотел Чан Кайши, отдавая приказ взорвать дамбу на Хуанхэ близ Хуаюанькоу? Препградить путь японским захватчикам? Но ведь их не остановило даже море!

Чан Кайши знал, что воды Желтой реки устремятся на юго-восток. Там, на стыке провинций Хэнань – Аньхой – Цзянсу, находилась «база красных партизан». Это был один из районов Китая, где у власти уже тогда находились сторонники Мао Цзэдуна – китайские коммунисты. По ним Чан Кайши и хотел нанести свой внезапный вероломный удар.

По жертвам – четыре Хиросимы

Работая в 50-х годах корреспондентом «Правды» в Китае, я сумел побывать в тех местах, встретиться с живыми свидетелями тогдашних событий в Хуаюанькоу.

Очевидец событий – старик Гун Лаолю жил всего в паре километров от Хуанхэ. Летом 1938 года, как раз перед уборкой пшеницы, среди крестьян разнесся злоедейский слух: солдаты седьмой гоминьдановской дивизии затеяли на дамбе нечто недоброе. Отобрали у окрестных крестьян много лопат и корзин, но не потребовали ни одного землекопа.

Первые взрывы донеслись ночью, глухо, как отдаленная гроза. Они гремели с перерывами целые сутки. Гоминьдановцам казалось, что река поворачивает в сторону слишком робко, и они закладывали все новые заряды взрывчатки.

Но тут внезапно разразился ливень. Он длился более трех суток. Вздвухшаяся Хуанхэ остервенело ринулась в прорыв и быстро расширила его до полутора километров.

В отдаленных деревнях первая вода никого не встревожила. Из-за грозы ее приняли за дождевые потоки. Думали – скоро спадет. А она вдруг хлынула, как всепоглощающий цунами.

Желтая река выплеснулась на густонаселенную равнину. В ее мутных водах тогда утонуло около девятист тысяч человек. Это была гуманитарная катастрофа, по числу жертв сопоставимая с четырьмя хиросимскими трагедиями.

Было затоплено пятьдесят четыре тысячи квадратных километров. Двенадцать миллионов жителей остались без крова.

Теоретическая возможность подобной катастрофы тревожит жителей Голландии, значительная часть территории которой лежит ниже уровня моря.

Трагедия Хуаюанькоу стала редким в истории примером злоупотребления стихийными бедствиями в политических целях.

Водами юга напоить север

В целом Китай богат водой. Но беда в том, что эти ресурсы распределены неравномерно. Достаточно сравнить две великие реки Поднебесной: Хуанхэ и Янцзы. Первая лишь немного уступает по протяженности своей старшей сестре. Но воды в ней течет в пятьдесят раз меньше. У Янцзы годовой сток – тысяча, у Хуанхэ – пятьдесят кубических километров.

Извечная угроза опустошительных наводнений в бассейне Желтой реки уходит в прошлое. Дело в том, что повсюду создаются водохранилища, плотины и каналы, чтобы задерживать дождевую влагу. За годы существования КНР страна увеличила орошаемые площади вчетверо: с 13 до 52 миллионов гектаров. Львиная доля этих земель приходится на север страны, то есть на бассейн Хуанхэ. Земледельцы разбирают на полив многократно больше воды, чем прежде. И вместо избытка влаги людей стал тревожить ее недостаток.

На рубеже XXI века правительство КНР начало осуществлять комплексную программу перераспределения водных ресурсов Китая. Она воплощает собой вековую мечту земледельцев: водами юга напоить север.

Согласно этому грандиозному плану пять процентов стока Янцзы будет ежегодно перебрасываться на север. Великая китайская река пятипроцентной потери почти не ощутит. Тогда как полноводность Хуанхэ увеличится вдвое. Это позволит не только расширить орошаемые

площади в Северном Китае, решить там проблему питьевой воды, но и перейти в наступление на пустыни.

Китайцы – гидротехники от природы. Их колыбелью была грозная Хуанхэ. Их национальный характер сформировался в многовековом сопротивлении буйствам Желтой реки. Можно ли сомневаться в том, что народ, еще до нашей эры проложивший Великий Китайский канал, осуществит планы переброски воды с юга на север?

Ныне человек не просто побеждает Дракона. Он укрощает его, заставляя работать, как вола в упряжке пахаря.

Не Дракону, а человеку суждено стать повелителем вод.

Повелитель водной стихии

Человечеству грозит нехватка воды

Темой дискуссий мировых лидеров стали не только политические или экономические проблемы, но и вопросы экологии. Причем кроме глобального потепления, вызванного промышленным загрязнением атмосферы, все более серьезную угрозу для человечества представляет нехватка пресной воды. От недостатка водных ресурсов страдает свыше трех миллиардов жителей планеты, или почти половина ее населения.

Представители 182 государств и 42 международных организаций провели в Киото Всемирный форум по проблемам воды. Они призвали удвоить ассигнования на строительство объектов водной инфраструктуры. То есть ежегодно выделять на эти цели до 180 миллиардов долларов. Этот призыв не менее важен, чем знаменитый Киотский протокол о сокращении вредных выбросов в атмосферу.

Как заявил министр водного хозяйства КНР Ван Фучэн, проблема нехватки воды уже стала фактором, сдерживающим социально-экономическое развитие Китая. По его словам, размер водных ресурсов на душу населения Поднебесной в три с лишним раза меньше среднемирового показателя.

Такие разные сестры

Чтобы прокормить свое население, которое, несмотря на ограничение рождаемости, продолжает ежегодно увеличиваться на 8 миллионов человек, Китаю нужно оросить засушливый север. Ведь 80 процентов водных ресурсов достается бассейну Янцзы и районам южнее его. Тогда как лишь 20 процентов приходится на Северный Китай, то есть на бассейн Хуанхэ, где сосредоточено две трети пашни.

Две великие реки Китая почти равны по длине. Однако годовой сток Янцзы составляет тысячу миллиардов кубометров, а Хуанхэ – всего пятьдесят миллиардов кубометров, то есть в 20 раз меньше. За годы существования КНР земледельцы, преимущественно в северной части страны, сумели увеличить орошаемые площади вчетверо – с 13 до 52 миллионов гектаров. Однако дальнейшие возможности для этого исчерпаны. Из Хуанхэ разбирают на полив столько воды, что летом она почти пересыхает.

Родившись в горах Тибета, Янцзы проделывает путь в 5800 километров, чтобы близ Шанхая влиться в Восточно-Китайское море. Она занимает четвертое место в мире по полноводности после Амазонки, Конго, Ганга, третье по протяженности – после Миссисипи и Нила, и первое место по числу людей, живущих на ее берегах.

Бассейн Янцзы – главный экономический район Китая. Занимая лишь пятую часть территории республики, он дает более двух пятых валового внутреннего продукта страны. Это край благодатной природы, щедрых недр. Но главная сокровищница – это сама великая река, ее влага, ее энергия.

Янцзы лишь на одну пятую короче Миссисипи, но русло ее падает от истока до устья в двенадцать раз круче. Запасы энергии ее бассейна составляют 230 миллионов киловатт – почти втрое больше, чем имеют все реки Соединенных Штатов. Вот такая титаническая мощь таится в водной струе, низвергающейся с «крыши мира»!

Пять целей стройки века

Полвека назад я, тогдашний корреспондент «Правды» в Китае, отправился из Пекина в захолустный городок Ичан. Там трудились мои земляки – специалисты из Ленинградского института «Гидропроект». В их распоряжении был катер. На нем мы проплыли по Янцзы до ущелья Силин и высадились на расположенном посреди него островке Чжундао.

Пока варилась уха и жарился шашлык, соотечественники рассказали, что они только что предложили возвести как раз на этом месте двухкилометровую плотину для крупнейшего гидротехнического сооружения на нашей планете. И добавили, что я стал первым иностранным журналистом, который посетил это место.

Прошло, однако, почти сорок лет, прежде чем на берегах Янцзы в створе островка Чжундао появились строители. Грандиозный проект, о котором мечтал еще первый президент Китая Сунь Ятсен, пришлось отложить в долгий ящик. В условиях размолвки между Пекином и Москвой никто не решался упоминать о советском опыте строительства крупнейших в мире гидроузлов вроде Саяно-Шушенской ГЭС.

Но с тех пор как в Китае начались реформы, нехватка электроэнергии стала главной помехой для возросших темпов экономического роста. В 1993 году официально началось сооружение гидроузла Санься («Три ущелья»), завершившееся через семнадцать лет.

Гидроузел Санься должен решить целый комплекс экономических, экологических и социальных проблем Поднебесной. Цель первая – кардинально сократить нехватку электроэнергии, сдерживающую экономический рост. Турбогенераторы Санься (мощностью по 700 тысяч киловатт каждый) способны вырабатывать 85 миллиардов киловатт-часов в год.

Цель вторая – устранить угрозу паводков в среднем и нижнем течении Янцзы. За последние две тысячи лет там произошло более двухсот катастрофических наводнений, от которых лишь в XX веке погибли почти полмиллиона человек.

Цель третья – сократить непомерно большую долю угля в энергетическом балансе Китая. Ныне этот самый «грязный» вид топлива составляет 75 процентов, что гораздо выше среднемирового показателя.

Цель четвертая – улучшить условия судоходства на Янцзы. По великой реке совершается три четверти речных перевозок Поднебесной. Повышение уровня воды в районе «Трех ущелий» позволит морским судам подниматься от устья великой реки до самого Чунцина.

Наконец, пятая цель воплощает план ежегодно перебрасывать из бассейна Янцзы в бассейн Хуанхэ 50 миллиардов кубометров воды. Это позволит расширить орошаемые площади в Северном Китае, решит там проблему питьевой воды.

В христианской мифологии дракон олицетворяет зло. В русских сказках – это огнедышащий Змей Горыныч. Для китайцев же дракон не зло, а животворная сила воды. Беда лишь, что, не умея соразмерять ее, дракон приносит то благо, то беду. На севере земледельцы молят его о дожде, а на юге просят защитить от паводка. Отношения человека с всемогущим повелителем вод окрашивает всю историю китайской цивилизации.

На рубеже XXI века Государственный совет КНР принял историческое решение: начать осуществление комплексной программы перераспределения водных ресурсов Китая. Она воплощает собой вековую мечту: водами юга напоить север. Сбудется мечта поколений. Люди не просто побеждают, они укрощают дракона, заставляют его работать, как вола в упряжке пахаря. Именно человеку суждено стать повелителем водной стихии.

За взятку – к высшей мере

По китайскому телевидению время от времени демонстрируют публичные расстрелы чиновников. Взятка или хищение на сумму более миллиона юаней сулят высшую меру наказания. С 2000 года в Китае расстреляны за коррупцию более 10 тысяч чиновников, еще 120 тысяч получили по 10–20 лет заключения.

В Китае много говорят о расстреле вице-мэра Пекина Лю Чжихуа. Он семь лет возглавлял управление китайской «Кремниевой долиной» – наукоградом Чжунгуанцунь в северо-западном университетском предместье Пекина – и сумел использовать для своей личной выгоды стратегический поворот китайского руководства к созданию инновационной экономики.

Наживался на Олимпиаде

Кроме того, предприимчивый вице-мэр сумел крупно нажиться на Пекинской олимпиаде. Сделав свою любовницу хозяйкой одной из строительных компаний, он давал ей выгодные подряды на возведение олимпийских объектов и к тому же брал взятки за отвод земельных участков.

Лю Чжихуа – не самый крупный из столичных начальников, оказавшихся на скамье подсудимых. Еще в первые годы реформ был выведен из состава Политбюро ЦК КПК и отдан под суд «китайский Гришин» – первый секретарь Пекинского горкома Чэнь Ситун. Его прочили в генеральные секретари ЦК, в преемники Дэн Сяопина, а приговорили за лихоимство к шестнадцати годам тюрьмы.

Коррупционеров нынче ищут и находят не только среди мэров городов, губернаторов провинций и их заместителей, но и в стенах китайского парламента. Осужден за лихоимство в особо крупных размерах заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Чэн Кэцзе.

Бывший вице-спикер прежде был губернатором провинции Гуанси. Он оказывал предпринимателям незаконные услуги и набрал за это взятку на 4,5 миллиона долларов. Разоблачение вице-спикера потянуло за собой целый шлейф коррупционных дел в Гуанси. Расстрелян мэр города Гуйян 48-летний Ли Чэнлун, успевший присвоить более 500 тысяч долларов.

Осуждение вице-спикера китайского парламента – самое крупное коррупционное дело в верхах после того, как вышеупомянутый мэр Пекина Чэнь Ситун попал в тюрьму за взятки. Однако конфискованные у него почти 8 миллионов долларов были присвоены сотрудниками созданного в прокуратуре Управления по борьбе с коррупцией. Пришлось расследовать деятельность 1377 инспекторов. Причем 756 из них получили партийные взыскания, а 73 были привлечены к уголовной ответственности. Если уж в Верховной народной прокуратуре выявлены такие злоупотребления служебным положением, что тогда говорить о других звеньях партгосаппарата!

Пока партию и государство возглавлял шанхаец Цзян Цзэминь, в Пекине появилось много его земляков. Нынче шанхайский диалект выходит из моды в коридорах власти. Смещен с должности и выведен из состава Политбюро ЦК протеже прежнего лидера – первый секретарь Шанхайского горкома Чэнь Ляньюй. Как установлено в ходе расследования, он был причастен к растрате около 400 миллионов долларов из пенсионного фонда Шанхая.

Начато искоренение коррупции в правоохранительных органах. Замминистра общественной безопасности КНР генерал Ли Цичжоу разоблачен как участник преступной группы, причастной к контрабанде автомашин и нефтепродуктов на 3 миллиарда долларов. Фигурантами этого дела стали около двухсот чинов полиции и таможни города Сямынь.

Миллион осужденных за взятки

За годы реформ к уголовной ответственности за взяточничество привлечено более миллиона сотрудников партийно-государственного аппарата. Однако, даже несмотря на публичные казни, полностью искоренить случаи сговора предпринимателей и чиновников по принципу «твоя власть – мои деньги» не удастся.

Почему же переход от плановой экономики к рыночной стал столь благоприятной почвой для коррупции – сорняка, который никак не поддается прополке? По мнению заместителя директора Академии общественных наук Китая Янь Фана, отставание политических реформ от экономических позволяет чиновникам скрывать от общественного контроля управление госимуществом и природными ресурсами. Это помогает им превращать народное богатство в личную собственность.

Такого рода злоупотребления обрели самые разные формы – от торговли экспортно-импортными лицензиями и выгодными госзаказами до фиктивного банкротства предприятий, дабы продавать их за бесценок в частные руки.

Негативным побочным последствием экономических реформ, считают китайские ученые, стал процесс «капитализации власти», то есть превращение служебного положения в капитал, приносящий дивиденды. Вместо того чтобы играть роль судей, следящих за соблюдением правил игры на рыночном поле, чиновники порой присваивают себе функции игроков.

Рассказав о доводах ученых одному высокопоставленному партийному руководителю в Пекине, я услышал, что полностью искоренить коррупцию действительно не удастся. Однако ее можно держать под контролем. Он обратил мое внимание на то, что в китайском политическом лексиконе нет слова «олигарх». Власть в Китае, к сожалению, порой становится капиталом, средством извлечения прибыли. Но компартия жестко пресекает попытки превратить власть в товар, который можно купить.

За мзду чиновники оказывают предпринимателям услуги, но решительно избегают попадать к ним в зависимость. «Партия никогда не позволит, чтобы хвост вертел собакой», – заключил мой собеседник.

Как пресекли финансовые пирамиды

Размышляя над всем этим, думаю, что ужесточением наказаний коррупцию в Китае удалось если не пресечь, то обуздать. В 1994 году, когда я работал в Китае и начал писать в «Российскую газету», в нашей стране пышным цветом расцвели финансовые пирамиды. Последователи Мавроди появились и в Китае. Был создан инвестиционный фонд якобы с благородной целью: наладить в стране производство одноразовых шприцев.

По канонам финансовой пирамиды создатели фонда предложили вкладчикам баснословный доход: 5 процентов от вложенной суммы в месяц (то есть 60 процентов годовых). Деньги потекли рекой. Причем чаще всего от руководителей предприятий и учреждений. Задержал зарплату или платежи за коммунальные услуги на месяц – и с каждого вложенного миллиона получаешь ежемесячный навар в 60 тысяч.

К чести китайских правоохранительных органов они меньше чем за год раскусили сущность финансовой пирамиды. Трое ее создателей были отданы под суд и публично расстреляны перед толпой.

После этого ни одной новой китайской пирамиды не возникло. А число обманутых вкладчиков составило в КНР всего 236 человек, тогда как у нас их количество измеряется многими сотнями тысяч. Так что в данном случае суровость наказания себя оправдала.

Явь Тибета опровергает мифы

Тибет считается краем мифов и легенд. Но ведь основой мифа часто служит вымысел, порой злонамеренный. Вспомним, как западная пропаганда муссировала миф о том, будто причиной кровопролития в Южной Осетии в 2008 году стала, мол, агрессия России.

Чтобы дискредитировать совпавшие с этими драматическими событиями Олимпийские игры в Пекине, использовали «тибетский миф». Дескать, китайские коммунисты в 1951 году оккупировали Тибет, а в 1959-м вынудили далай-ламу эмигрировать в Индию. Он, мол, будучи полвека в изгнании, выступает как правозащитник, как борец против китаизации Тибета и подавления в этом священном для буддистов краю религиозных свобод. Именно подобными стенаниями сопровождалась попытка сорвать эстафету олимпийского огня, бойкотировать праздник спорта в Пекине.

Моя встреча с далай-ламой

Мне посчастливилось первым из моих соотечественников еще в 1955 году, побывать в Тибете, беседовать с далай-ламой, когда тот еще был верховным правителем загадочной Шамбалы.

Прежде всего, говорить, что китайские коммунисты «оккупировали Тибет», абсурдно. Этот заоблачный край вошел в состав Китая еще в Средние века. Правители Поднебесной издавна стремились сделать тибетское духовенство своей опорой. В XIII веке внук Чингисхана Хубилай дал одному из видных буддистов титул наставника императора, или далай-ламы, и поручил ему управлять тибетскими землями.

Такое соединение духовной и светской власти дожило до победы Мао Цзэдуна в Гражданской войне. Соглашение о мирном освобождении Тибета, подписанное в 1951 году, предусматривало право тибетского народа на районную национальную автономию в рамках КНР. Вопросы обороны и внешних сношений были объявлены прерогативой Пекина. Лхасе же была предоставлена полная самостоятельность в местных делах.

Четыре года спустя я по приглашению премьера Чжоу Эньлая проехал в Тибет по только что проложенной туда автомобильной дороге, чтобы ознакомиться с тем, как выполняются эти обязательства. А за год до этого, в 1954-м, далай-лама стал заместителем председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей, что по рангу соответствует вице-спикеру парламента.

14 сентября 1955 года я имел продолжительную беседу с далай-ламой и дословно процитирую его слова. «Хотел бы воспользоваться вашим приездом, – сказал мне тогда далай-лама 14-й, – чтобы передать мировой общественности: мы, тибетцы, не только веруем в учение Будды, но и любим нашу родину, где уважается и охраняется свобода религии. Связи тибетского и китайского народов имеют более чем тысячелетнюю давность. С тех пор как было подписано соглашение о мирном освобождении Тибета, наш народ оставил путь, который вел к мраку, и пошел по пути к свету...»

Рабовладелец в роли правозащитника

В 1955 году Тибет предстал предо мной как заповедник Средневековья. Помимо пашен и пастбищ, монастыри владели также земледельцами и скотоводами. Перенестись во времена Марко Поло было интересно. Но больше, чем экзотика, поражала средневековая жестокость. Кроме религиозного фанатизма, феодально-теократический режим держался и на поистине

бесчеловечных методах подавления. Я был потрясен, увидев, как трех беглых рабов сковали одним ярмом, вырубленным из цельного деревянного ствола.

Китайцы начали с тактики «добрыми делами обрывать друзей». Направляя на места врачей, ветеринаров и агрономов, они действовали только с согласия монастырей, то есть владельцев крепостных. Растущие симпатии местных жителей, видимо, и побудили реакционные круги Тибета в 1959 году решиться на мятеж. Вооруженные выступления были подавлены. Далай-ламе и тысячам его сторонников пришлось бежать в Индию.

Мятеж круто изменил жизнь тех, кто бежал, и тех, кто остался. В заоблачной Шамбале было покончено с рабством. Земледельцев и скотоводов освободили от крепостной зависимости. Им безвозмездно передали пашни и пастбища, на полвека освободили от налогов. Став свободными тружениками, тибетцы сумели утроить сборы зерна, поголовье скота. Средняя продолжительность жизни населения увеличилась с 36 до 67 лет. Если во время моего первого приезда в Тибете насчитывалось около миллиона человек, то ныне его население приблизилось к трем миллионам. Китайцев в автономном районе 90 тысяч (то есть всего 3 процента).

Словом, население Тибета утроилось, тогда как количество монастырей сократилось в два, а число лам в три раза. Для края, традиционная культура которого неразрывно связана с религией, такая перемена не могла быть безболезненной. Но ламаизм доказал свою жизнестойкость. Даже лишившись своих владений, монастыри существуют как бы на самофинансировании – печатают священные книги, производят предметы религиозного культа, а главное – получают добровольные приношения от своих бывших крепостных, за которых монахи возносят молитвы.

Там, где полвека назад было 150 тысяч лам, теперь насчитывается 150 тысяч учащихся. В некогда поголовно неграмотном краю 86 процентов детей ходят в школу, причем учатся на родном языке. Для подготовки преподавательских кадров в краю созданы четыре вуза, в том числе Тибетский университет.

Мне как человеку, который своими глазами видел в 1955 году средневековую жестокость феодально-теократического строя, а в 1990 году – освобожденных от рабства скотоводов и земледельцев, кажутся особенно абсурдными измышления, будто этот заоблачный край «вымирает» или «китаизируется», а бывший рабовладелец далай-лама якобы заслуживает награды как выдающийся правозащитник современности.

От ясновидения – к сотовой связи

Повторяю, что, увидев Тибет в 1955 году, я как бы перенесся во времена Марко Поло. Причем помимо внешней экзотики поражали и такие необъяснимые явления, как телепатия или левитация. Помню, беседуя со мной, настоятель одного из храмов вдруг прервал разговор словами: «Простите, мне пришла весть...» Он весь напрягся, а потом стал отдавать распоряжения: срочно послать за перевал костоправа, ибо там с тропы в пропасть сорвался монах.

Так я стал свидетелем сеанса телепатии – предшественницы современной сотовой связи. Мне разъяснили, что в монастырях отбирали молодых лам, способных к ясновидению и телепатическим контактам. При этом использовался жестокий обычай.

Под краугольный камень нового монастырского здания клали ламу-подростка. Юношу вводили в состояние, похожее на летаргический сон, и без его ведома навсегда накрывали спящего каменной плитой.

Считалось, трупы молодых лам дают излучение, облегчающее телепатам выход на нужный объект. В 1990 году я беседовал в Лхасе с профессором богословия в Тибетском университете. Ему, отданному ребенком в монастырь, выпала участь быть заживо похороненным. Но юноша успел бежать, предупрежденный наставником, который сжалился над учеником.

Теперь обитатели тибетских монастырей прибегают к телепатии лишь в мистических целях, а в быту пользуются сотовой связью. Так что лама с мобильником – зрелище хоть и невероятное, но вполне очевидное.

В монастырских святилищах появились компьютеры. Ламаисты поняли и оценили преимущества информационных технологий. Содержание канонических книг и справочников по тибетской медицине введено в компьютерную базу данных. Будущему лекарю теперь уже не нужно, как прежде, заучивать учебники наизусть.

Среди тайн Тибета, кроме телепатии, называют и телепортацию – способность к быстрому перемещению. Думаю, что таким же чудом можно назвать возможность промчаться по заоблачной Шамбале на пассажирском поезде.

Тибет занимает восьмую часть территории Китая. Но, будучи одной из крупнейших административных единиц страны, не имел железных дорог. Лишь недавно началось движение по самой высокогорной в мире стальной магистрали Голмуд – Лхаса длиной 1118 километров (969 из них пролегают на высоте более 4000 метров над уровнем моря).

Примечательно, что при прокладке рельсов в условиях вечной мерзлоты китайские строители использовали опыт советского ГУЛАГа на Колыме. Железнодорожное сообщение позволяет надежно снабжать горный край энергоресурсами и грузами, необходимыми для модернизации Тибета. Почти стократно возрос поток туристов, желающих воочию увидеть заоблачную Шамбалу. Это значит, что небылицы западной пропаганды о том, будто Тибет то ли «вымирает», то ли «китаизируется», не выдерживают сопоставления с реальностью, как это было и с мифом об «агрессии» России против Грузии.

Заповедник общественных формаций

Юньнань – «край к югу от облаков»

Китайская Народная Республика – одно из самых однородных по своему этническому составу государств. Ханьцы, то есть китайцы, составляют там более 90 процентов жителей. Но в Поднебесной даже 10 процентов – это 140 миллионов человек. Так что численность национальных меньшинств сопоставима там с населением России или Японии.

Живут эти народности преимущественно в глубинных, удаленных от морского побережья западных провинциях. Больше всего их в Юньнани. Это юго-западная окраина страны, прилегающая к Вьетнаму, Лаосу или Бирме, похожа на этнографический музей. Впервые побывав там в пятидесятых годах, я понял, почему поистине настольной книгой местных партработников стала статья Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Лесистые горы субтропической Юньнани напоминают заповедник различных общественных формаций. В долинах, где живут ханьцы, как и повсюду после реформ доминирует «социализм с китайской спецификой», то есть социально ориентированная рыночная экономика.

Если же подняться выше по склонам, то попадаешь в селения национальных меньшинств, где доньше сохранились феодальные отношения с пережитками рабства. А в непроходимых джунглях на вершинах гор обитают племена, у которых до наших дней дожил первобытно-общинный строй.

Местные власти очень терпимо, уважительно относятся к традициям и обычаям национальных меньшинств. Даже когда их нравы противоречат действующему в КНР семейному кодексу. Это, прежде всего, касается специфики брачных связей.

Женихи состязаются в пении

Мне особенно запомнилось весьма своеобразное сватовство у юньнаньской народности хани. Когда в их селении девушке исполняется 16 лет, родители строят ей за околицей отдельную хижину.

По вечерам на такую «улицу невест» приходят парни – как местные, так и из соседних поселков. Перед жилищами приглянувшихся им девушек происходят песенные состязания.

Победитель каждого из них получает приглашение провести ночь с хозяйкой. Однако в следующий раз она вправе пригласить любого другого претендента.

Подобные «смотрины» продолжаются, по крайней мере, три года. Так, перезнакомившись со всеми окрестными женихами, девушка в конце концов останавливает свой выбор на ком-то из них. Она занавешивает вход в свою хижину в знак того, что избранник отныне поселился у нее постоянно.

Но это еще не брак, а нечто вроде обручения. Когда девушка и парень убедятся, что подходят друг другу как партнеры, у них должны родиться двое детей. Лишь после этого им устраивают пышную свадьбу.

На костре запекают многометрового удава. По вкусу он напоминает угря. Китайцы в долинах тоже любят лакомиться этим мясом. По селам заранее составляют списки желающих. Когда набирается сотня человек, заказывают целого удава горцам-змееловам.

Ну а на свадьбе в селении хани односельчане, насытившиеся жареным удавом, под песню из 108 куплетов коллективно строят из заранее заготовленных материалов жилище для молодоженов. В этот бамбуковый дом на сваях торжественно переселяются жених и невеста. При

таком тщательном подборе спутника жизни в селениях народности хани практически не бывает супружеских измен, а тем более разводов.

Для нацменов нет ограничения рождаемости

Итак, государственная власть в КНР очень бережно, терпимо относится к экзотическим нравам и обычаям национальных меньшинств. В Тибете, например, как и в Средние века, продолжает существовать полиандрия, то есть многомужество. Отправив, по традиции, старшего сына в монастырь, родители берут для остальных его братьев одну жену. Так что необходимости в последующем разделе имущества не возникает. Все дети появляются на свет из одной утробы. А как мальчики вырастают, у них появляется общая жена на всех.

Другая важная привилегия национальных меньшинств – на них не распространяется программа ограничения рождаемости под лозунгом «Одна семья – один ребенок».

Результат, что называется, налицо. Когда я впервые посетил Тибет в 1955 году, там было около миллиона жителей. Ныне же их три с половиной миллиона, причем китайцев среди них меньше одной десятой. Так что разговоры о том, будто Тибет китаизируется или вымирает, – домыслы западной пропаганды.

Журналистика требует риска

Чтобы с мнением журналиста считались, он должен быть человеком компетентным. Другим важным фактором успеха я бы назвал кураж, то есть готовность принимать вызов, идти на риск, даже проявлять некий авантюризм. Поясню это на примерах из личного опыта работы в Китае, Японии, Англии.

Среди «охотников за головами»

Китайская провинция Юньнань, граничащая с Вьетнамом, напоминает заповедник различных общественно-экономических формаций.

В долинах, где живут ханьцы, доминирует «социализм с китайской спецификой». У национальностей, что селятся на склонах гор, до недавних пор сохранялись феодальные отношения с пережитками рабовладения. А в высокогорных джунглях обитают племена, у которых до наших дней дожил первобытно-общинный строй.

В 50-х годах я рискнул побывать в селении народности кава. Эти люди известны соседям как «охотники за человеческими головами». У них есть обычай каждую весну ставить на жертвенном поле шест с отрубленной головой чужеземца. Ими чаще всего становились бродячие торговцы. А в годы первой пятилетки эта печальная участь порой выпадала участникам научных экспедиций. Успокаивало лишь то, что человеческая жертва требуется весной. А я отправился в гости к кава осенью.

Селение из бамбуковых хижин было окружено живой изгородью, по которой ползали ядовитые змеи. Моих охранников внутрь не пустили. Мы с вождем прошли вдоль домов, перед каждым из которых можно было видеть одну и ту же сцену. Подвыпивший хозяин точил полуметровый охотничий нож, то и дело прихлебывая мутную брагу из сахарного тростника.

К полудню вся деревня была навеселе. Народ собрался на площадке перед домом вождя. Ровно в полдень к жертвенному шесту за рога привязали буйволицу. По сигналу вождя несколько десятков охмелевших мужчин кинулись к животному. С громкими криками они принялись вырубать ножами куски мяса прямо из спины даже не успевшей упасть буйволицы. Она буквально на глазах превращалась в скелет.

Очумевшие окровавленные люди перебрасывали куски мяса своим родственникам. Те старались добежать с добычей до одного из огороженных мест, где разожгли два костра. Как только в чугунных котлах закипела вода, люди принялись кидать туда куски мяса прямо с кожей и шерстью. Мне как почетному гостю вождь протянул полусырой буйволиный язык. Подумал: хоть в этом повезло! Но радость оказалась преждевременной.

На жертвенный шест водрузили тонкие кишки буйволицы, полные зеленовато-бурой массы. Я старался убедить себя, что это не навоз, а переваренная в желудке животного трава, богатая ферментами.

Вождь щедро полил этим «соусом» доставшийся мне кусок языка. И мне волей-неволей пришлось его съесть. Ведь я находился в обществе «охотников за головами», так что нарушать местные обычаи было рискованно. Неслучайно желания побывать в гостях у кава ни у кого из работавших тогда в Китае иностранных журналистов не появилось.

Репортаж с американской базы

Современникам мобильных телефонов трудно понять слова Константина Симонова, который говорил, что успех фронтового журналиста на 90 процентов зависит от связи. Я вспоминаю эти слова, когда думаю о весьма драматическом эпизоде моей журналистской карьеры.

Он связан с первым заходом в Японию американской атомной подводной лодки. После войны парламент страны, пережившей трагедию Хиросимы и Нагасаки, утвердил «три неядерных принципа» – не создавать, не приобретать, не размещать ядерного оружия.

Чтобы преодолеть этот барьер, Вашингтон решил использовать «шоковую терапию» – начать регулярные заходы атомных подводных лодок со стратегическими ракетами, надеясь, что они станут привычными, а выступления протеста мало-помалу затихнут.

Я отправился в Сасебо, куда зашла первая атомная подлодка «Морской дракон», и подготовил репортаж о массовых демонстрациях местных профсоюзов. Редакция «Правды» ежедневно вызывала меня в три часа по местному времени. Надо было срочно сообщить на токийскую телефонную станцию мой номер в Сасебо и перевести туда вызов. Но центр города, заполненный демонстрантами, был оцеплен. Добраться до какой-нибудь гостиницы и снять там комнату не было времени.

Поэтому я рискнул зайти в американский офицерский клуб напротив главных ворот базы. Расчет на то, что американский часовой проявит солидарность с иностранцем, который оказался среди японцев, оправдался. Я приветственно махнул рукой морскому пехотинцу, он – мне.

Уверенной походкой Штирлица зашел в бар. Заказал пиво у негра за стойкой, узнал у него номер здешнего телефона и по-японски попросил знакомого клерка на токийском телефонном узле перевести мой вызов на американский клуб в Сасебо. Через несколько минут телефон зазвонил, и я услышал в трубке голос правдинской стенографистки: «Передавать будете?»

Начал диктовать текст, естественно, по-русски. Американские офицеры за соседними столиками стали недоуменно переглядываться. Засветился я, когда передавал по буквам название порта: «Сергей – Анна – Сергей – Елена – Борис – Ольга». Прозвучало подряд слишком много русских имен.

Вокруг меня началось какое-то движение. Появился вахтенный офицер в сопровождении двух морских пехотинцев. Я предъявил карточку международного пресс-клуба и поблагодарил за телефон.

«Москва, “Правда”, – вслух прочитал дежурный офицер. – Ясно, зачем вы тут оказались. Но пора проводить гостя к его единомышленникам!» Рослые моряки взяли меня под локти и вежливо, но напористо вытолкали за дверь. И тут я оказался лицом к лицу с шеренгами возбужденных демонстрантов. Их кулаки тянулись прямо к моему носу, а от возгласов «Янки, убирайтесь домой!» пробирала дрожь.

К счастью, меня спас полицейский патруль и укрыл в фургоне для арестованных. «Куда смотрит ваш профсоюз? – укорял меня сержант. – Работать в горячей точке без каски – значит нарушать технику безопасности!»

Полемизирую в Вестминстерском дворце

Во время холодной войны большинство наших журналистов, а тем более дипломатов всячески уклонялись от публичных выступлений. Но кураж побуждал меня идти на риск и принимать вызов. После нескольких удачных выступлений в Англии меня стали часто приглашать в колледжи Оксфорда и Кембриджа.

Секретарь парткома посольства рапортовал в Москву об успехах нашей внешнеполитической пропаганды. В действительности же я был нужен «фабрикам джентльменов» как боксерская груша – как живой большевик, в полемике с которым будущие консерваторы могли бы поточить свои молодые зубы.

Однажды меня даже пригласили выступить в палате общин перед членами комитета по международным делам. Когда я увидел под сводами Вестминстерского дворца три дюжины депутатов, признаюсь, что душа у меня ушла в пятки.

Попросил разрешения начать с китайской притчи. Однажды единственная женщина, оказавшаяся среди собеседников Конфуция, спросила его: «Почему мир так несправедлив? Когда мужчина совершает супружескую неверность, его престиж в обществе растет. А если это же сделает женщина – все ее порицают».

Конфуций взял чайник и стал молча разливать чай. «Почему ты молчишь, учитель?» – «А я уже дал тебе ответ, причем наглядный. Из носика чайника я наполнил шесть чашек. Это нормально. Но можно ли из шести чайников лить чай в одну чашку? Это было бы противостоественно».

Депутаты засмеялись. А я продолжал аналогию. «Когда одного парламентария терзают вопросами три дюжины журналистов – это обычное дело. Но если три дюжины таких профессиональных полемистов, как вы, возьмут под перекрестный огонь одного-единственного газетчика, получится негуманно».

Атмосфера разрядилась, и я начал отвечать на вопросы. Потом сказал: «Наш поединок проходит в неравных условиях. Вы говорите на родном языке, а я скован своими лингвистическими возможностями, вынужден рассуждать примитивнее, чем мог бы. Справедливее будет полемизировать на китайском или хотя бы на немецком».

Я, конечно, блефовал. Но правильно сделал ставку на стойкое неприятие англичанами каких-либо языков, кроме своего.

Пьер Карден в сельском сарае

Повторю: мне посчастливилось начать свою журналистскую карьеру в Пекине 50-х годов. Довелось быть очевидцем событий, перессоривших Хрущева и Мао Цзэдуна. А после смерти «великого кормчего» стать свидетелем и участником осторожных шагов, которые Москва и Пекин стали делать навстречу друг другу после четверти века трагической размолвки.

В 1984 году я вновь попал в Китай после 25-летнего отсутствия. Первым реальным примером провозглашенной Дэн Сяопином свободы предпринимательства для меня стали платные велосипедные стоянки возле пекинских вокзалов, автостанций, универмагов и кинотеатров. Их владельцами и управляющими стали пожилые домохозяйки. Ведь создать такое предприятие можно практически без первоначального капитала.

Другой сюрприз мне посчастливилось увидеть в хорошо знакомом мне западном пригороде Пекина. Это было село, откуда мне когда-то доводилось писать о трудовых успехах народной коммуны имени китайско-советской дружбы. Теперь ее бывшие члены стали единоличниками, получили землю в пожизненное пользование. Но меня поразило, что многие крестьяне последовали лозунгу: «Уходить из земледелия, не покидая села».

Мне показали навес, под которым сидело более полусотни пожилых женщин. Они прилежно вязали что-то крючками из голубого мохера. Присмотревшись, я понял, что сарай был как бы сборочным цехом. Из соседней деревни были доставлены стопки рукавов, из другой – спинки. После того как приемщик тщательно проверил каждую деталь, их соединяли в свитера, пришивали ярлыки: «Пьер Карден. Ручная работа. Париж» и запечатывали в пластиковые пакеты.

Как мне пояснили, шерстяные нитки определенных цветов и лекала с разметкой количества петель в каждом ряду поставляет концерн французского кутюрье. Он же забирает весь заказанный ассортимент нужных ему моделей. Словом, экспортирует овеществленный труд, который обходится в семь – девять раз дешевле, чем во Франции. Причем приобщиться к подобному бизнесу, как и при создании в столице платных велосипедных стоянок, можно и без первоначального капитала.

Карденовские свитера ручной вязки производит одно из почти двух миллионов возникших в Поднебесной поселковых предприятий. Малый бизнес на селе – новый, динамичный сектор экономики, который называют секретным оружием китайских реформ. Он не только создает крестьянам 200–250 миллионов новых рабочих мест, тем самым сокращая избыток рабочих рук на селе. Он позволяет превращать главное богатство Китая – трудовые ресурсы – в реальные товары и услуги.

Кроме свитеров Кардена, в той же коммуне на завезенных с соседнего завода станках штамповали фары для автомашин. Размещать производство несложных деталей в близлежащих селах крупным заводам оказалось выгоднее, чем строить новые цеха на дорогой городской земле.

Опыт Китая свидетельствует, что существуют модели экономической интеграции, формы производственного кооперирования, которые открывают возможности для возрождения обезлюдевших сел и малых городов. Вот одна из них.

В деревни, где остались одни старики и старухи, приезжают представители крупных птицеводческих концернов. Они предлагают престарелым парам выращивать то ли сто, то ли две-сти, то ли пятьсот цыплят. Когда контракт подписан, бригада рабочих монтирует стандартные клетки-навесы соответствующего размера. Новорожденных птенцов доставляют из инкубатора. Дважды в неделю привозят комбикорма и бутылки с чистой водой. А когда подрастут бройлеры, их забирают на птицефабрику для централизованной разделки.

Думаю, что опыт Китая может быть поучителен для наших «бесперспективных деревень» и малых городов, население которых сокращается из-за невозможности найти работу. Особенно для неполноценной или лишенной мобильности рабочей силы, например, для пожилых людей.

Тут нужна интеграция сельских предприятий с городскими. Это может быть оснащение городскими заводами сельских цехов-филиалов, где руками местных жителей выполнялись бы трудоемкие, но технологически несложные операции, целеустремленное расширение возможностей для трудоустройства в малых городах и поселках путем развития малого бизнеса. Словом, превращение местной промышленности в важную составную часть сельской экономики.

Лицом к селу

Китай поражает мир темпами своего экономического роста. Зарубежных гостей восхищают небоскребы Пекина и Шанхая, автостреды с многоуровневыми развязками, поезда на магнитной подушке. Но отнюдь не умаляя достижений Поднебесной за годы реформ, я как человек, объехавший Китай вдоль и поперек, знаю и другую сторону картины.

Мне доводилось бывать в селах, где доход на каждого жителя ниже пяти долларов в месяц, где вся домашняя утварь сделана людьми своими руками из дерева или глины. Так что после пожара в доме не остается ни кусочка металла, словно у наших доисторических предков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.